Изданіе В. И. Яковенко.
Н. Андреевъ
Культурно-историческіе очерки
Россіи
№ 3.
П. Казанов

Изданiе В. И. Яковенко.
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКIЕ ОЧЕРКИ РОССIИ.

№ 3.

Ник. Андреевъ.

КIЕВСКАЯ РУСЬ.

Съ 26-ью рисунками
и 3 картами.

Цѣна 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1910.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КІЕВСКАЯ РУСЬ.

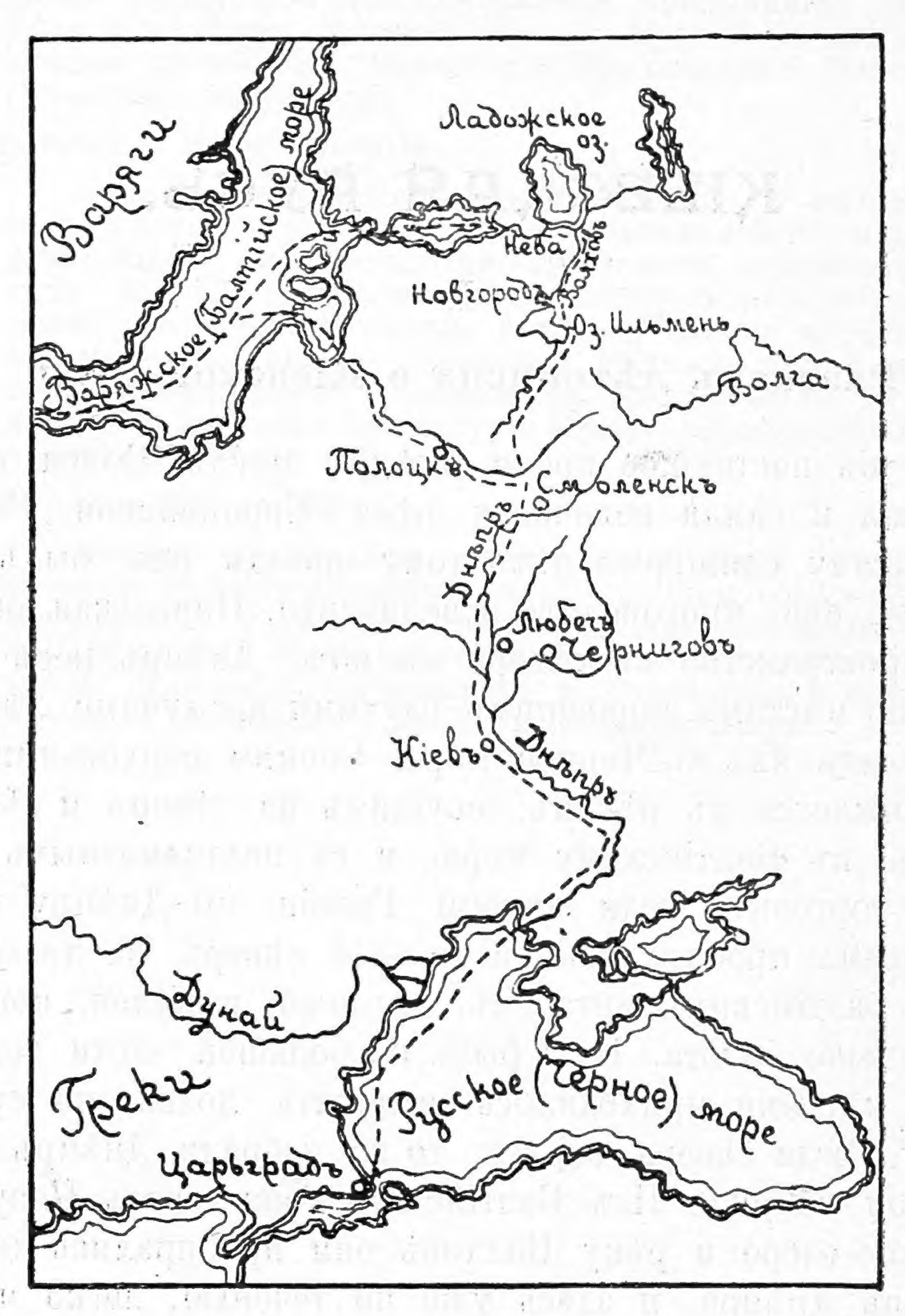
I.

Разсказъ лѣтописца о Кіевской Руси.

И въ настоящее время Днѣпръ послѣ Волги самая большая и самая величавая рѣка Европейской Россіи. Но тысячу слишкомъ лѣтъ тому назадъ онъ былъ еще больше, еще многоводнѣе и величавѣе. Пересѣкая огромное пространство съ сѣвера на югъ, Днѣпръ несъ свои воды по мѣстамъ, поросшимъ глухими дремучими лѣсами, и вливалъ ихъ въ Черное море. Своими верховьями онъ приближается къ рѣкамъ, текущимъ на сѣверъ и сѣверо-западъ, къ Балтійскому морю, и съ незапамятныхъ временъ торговые люди теплой Греціи по Днѣпру и его притокамъ пробирались на дальній сѣверъ, за драгоцѣннымъ балтійскимъ янтаремъ, который цѣнился когда-то не меньше золота. Путь былъ по большей части водный, лишь мѣстами приходилось волочить лодки по сухому мѣсту. Люди сѣвера, варяги, то же избрали Днѣпръ своей дорогой на югъ. Изъ Балтійскаго моря черезъ Неву, Ладожское озеро и рѣку Волховъ они пробирались до верховьевъ Днѣпра, и здѣсь уже по теченью, легко и свободно, неслись ихъ лодки мимо лѣсистыхъ береговъ къ далекой Греціи. Путь этотъ назывался «изъ Варягъ въ Греки».

Здѣсь-то, вдоль этого пути, и раскинулось первоначально

древнее русское государство. Главнымъ городомъ этого государства былъ Кіевъ, и всѣ главнѣйшія событія того

I. Карта пути отъ Варягъ въ Греки.
— — — — — — обозначаетъ направленіе пути.

времени разыгрывались въ Кіевской землѣ. Поэтому-то Русь того времени и называютъ Кіевской Русью. Какъ

строилась, какъ жила и чѣмъ закончилась Кіевская Русь,—объ этомъ и пойдетъ рѣчь въ этой книгѣ. Послушаемъ сначала, что разсказываетъ намъ о тѣхъ временахъ древнѣйшій русскій лѣтописецъ.

Онъ полагаетъ, что славяне пришли на Русь съ Дуная [1]). Тѣ изъ нихъ, которые поселились по среднему теченію Днѣпра, назывались полянами; къ сѣверо-западу отъ нихъ жили древляне, къ востоку — сѣверяне; по оз. Ильменю и р. Волхову—ильменскіе славяне; на верховьяхъ Волги, Западной Двины и Днѣпра — кривичи (у нихъ городъ Смоленскъ). Всѣ они говорятъ на одномъ языкѣ и отличаются отъ финскихъ племенъ: веси, мери, муромы, мордвы, черемисовъ и др., которые платили славянамъ дань.

Во главѣ полянъ стоялъ Кій, котораго лѣтописецъ называетъ ихъ княземъ. Другіе племена—древляне, кривичи и проч., — также имѣли своихъ князей. Кій съ двумя своими братьями Щекомъ и Хоривомъ, сестрой Лыбедью и всѣмъ родомъ своимъ заняли холмистое мѣсто на берегу Днѣпра и заложили здѣсь городъ, прозванный въ честь старшаго брата Кіевомъ. Вблизи города разстилались дремучіе лѣса, и братья охотились здѣсь на звѣря.

Между племенами происходили постоянные раздоры, не мало доставалось имъ и отъ дикихъ кочевниковъ, которые то и дѣло налетали изъ степей на ихъ земли. Въ серединѣ IX вѣка поляне, сѣверяне и вятичи стали платить дань хазарамъ. Изъ-за Балтійскаго моря дѣлали набѣги на славянъ варяги, которые въ то же время— т.-е. въ серединѣ IX вѣка — обложили данью ильмен-

---

[1]) Мы знаемъ уже, что это невѣрно. См. объ этомъ № 2 нашихъ „Культурно-историч. очерковъ“.

скихъ славянъ, кривичей и нѣсколько финскихъ племенъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ славяне собрались съ силами и прогнали варяговъ за море. Но раздоры между ними усилились и жизнь стала не лучше: «возсталъ родъ на родъ, и были усобицы, и стали они воевать между собой». Тогда они рѣшили: «поищемъ себѣ князя, который бы правилъ нами и судилъ бы насъ по правдѣ». И отправили пословъ за море, къ варяжскому племени Русь. Послы сказали варягамъ: «земля наша велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ; приходите править и управлять нами». Три варяжскихъ брата изъ племени Русь согласились и съ родами своими явились къ славянамъ. Это были Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. Первый—старшій—сѣлъ въ Новгородѣ, второй—на Бѣлоозерѣ, третій—въ Изборскѣ. Отъ нихъ-то и стали славяне называться русскими. Два года спустя Синеусъ и Труворъ умерли, остался одинъ Рюрикъ, который и правилъ одинъ всей землей Новгородской, землей кривичей и финновъ. По городамъ онъ посадилъ своихъ людей, посадниковъ. Съ Рюрикомъ вмѣстѣ пришли варяги другого племени, во главѣ которыхъ стали два брата Аскольдъ и Диръ. Они пустились дальше на югъ, по направленію въ Грецію. Спускомъ внизъ по Днѣпру, они увидали въ одномъ мѣстѣ на гористомъ берегу городокъ и спросили, чей это городъ. Имъ сказали, что это Кіевъ, который построили братья Кій, Щекъ и Хоривъ; ихъ уже нѣтъ въ живыхъ, а кіевляне платятъ дань хазарамъ. Тогда Аскольдъ и Диръ овладѣли городомъ и стали княжить здѣсь, какъ Рюрикъ въ Новгородѣ. Оба эти событія произошли въ 862 году.

Въ 879 г. Рюрикъ умеръ. Послѣ него остался малолѣтній сынъ Игорь, а вмѣсто него правилъ дядя его Олегъ. Въ 882 г. Олегъ съ большимъ войскомъ изъ ва-

ряговъ и подвластныхъ ему славянскихъ и финскихъ племенъ отправился на югъ, захватилъ нѣсколько городовъ по Днѣпру, обманнымъ образомъ убилъ Аскольда и Дира и овладѣлъ Кіевомъ. Городъ этотъ такъ понравился Олегу, что онъ сказалъ: «Да будетъ онъ матерью городовъ русскихъ» и самъ остался здѣсь жить. Уже Аскольдъ и Диръ освободили полянъ отъ власти хазаръ. Олегъ освободилъ отъ нихъ сѣверянъ и другія племена, платившія дань хазарамъ. Вмѣсто этого онъ заставилъ ихъ платить дань себѣ. Древлянъ онъ тоже обложилъ данью. Такъ подъ его властью соединилось нѣсколько славянскихъ племенъ: поляне, древляне, сѣверяне, родимичи, новгородцы, кривичи.

Между тѣмъ Игорь подросъ. Олегъ женилъ его на Ольгѣ изъ Пскова, оставилъ въ Кіевѣ, а самъ направился съ большимъ войскомъ на Царьградъ, столицу греческаго государства. Сюда не разъ уже приходили варяги и производили страшныя опустошенія въ странѣ. Тоже сдѣлалъ и Олегъ. Греки заперлись за каменными стѣнами города, а воины Олега вышли изъ лодокъ на берегъ и, по словамъ лѣтописца, «убили много народу вокругъ города, разрушили множество домовъ, пожгли церкви и взяли много плѣнниковъ,—кого зарубили, кого замучили, кого разстрѣляли, кого въ море бросили, и много другого зла натворили русскіе грекамъ, какое всегда дѣлаютъ ратные люди». Греки не хотѣли продолжать войну и предложили миръ. Олегъ согласился, но взялъ съ нихъ огромную дань и заключилъ выгодный для Руси торговый договоръ.

Въ 913 г. Олегъ умеръ, его мѣсто занялъ Игорь. Древляне тотчасъ же объявили себя свободными отъ дани кіевскому князю, и Игорю пришлось вновь привести ихъ въ покорность. При немъ впервые напали на Русь пе-

ченѣги, но Игорь съ успѣхомъ оборонялъ отъ нихъ кіевскую землю. Подобно Олегу онъ рѣшилъ идти на Царьградъ. Его полчища ворвались въ греческія владѣнія (въ 941 г.) и стали опустошать ихъ. Но греки сумѣли на этотъ разъ причинить опасному врагу страшное пораженіе: русскія лодки были сожжены, а русскіе воины наполовину перебиты, наполовину прогнаны обратно. Игорь однако не успокоился и черезъ три года вновь предпринялъ походъ на Царьградъ. Въ его войскѣ были не только свои воины, но также печенѣги и заморскіе варяги, которыхъ онъ пригласилъ. Не желая подвергать свою страну новымъ опустошеніямъ, греки предложили Игорю богатые дары, и онъ повернулъ обратно. На слѣдующій годъ греки заключили съ Русью новый мирный договоръ, подобно тому, какъ это было сдѣлано при Олегѣ. Въ 945 г. Игоря постигла смерть. Его убили древляне. Случилось это такъ: по обычаю князь съ дружиной пошли сбирать дань съ древлянъ. Игорь взялъ съ нихъ больше обычнаго, но и этимъ остался недоволенъ и, отпустивъ дружину, самъ съ небольшимъ отрядомъ вернулся и потребовалъ еще дани. Древляне возмутились. «Повадился волкъ къ овцамъ ходить,—все стадо перетаскаетъ, пока не убьютъ его»—говорили они другъ другу.—Такъ и съ нами: если не убьемъ Игоря, онъ самъ насъ погубитъ». И они убили князя и перебили его воиновъ.

Въ Кіевѣ осталась жена Игоря съ маленькимъ сыномъ Святославомъ. Она рѣшила жестоко отомстить за смерть мужа, хитростью заманила къ себѣ лучшихъ древлянскихъ мужей и однихъ велѣла закопать живыми въ землѣ, другихъ—сжечь въ банѣ. Затѣмъ собрала большое войско и,—тоже при помощи хитрости,—перебивъ множество древлянскихъ воиновъ, окружила ихъ городъ Коростень и сожгла его. По малолѣтству сына Ольга

сама управляла княжествомъ, много ѣздила по своимъ владѣніямъ и сама назначала дани и подати. Она первая изъ княжескаго рода приняла христіанство, но въ Кіевѣ христіане жили еще при Игорѣ, и среди его дружины находилось не мало покинувшихъ языческую вѣру.

Ольга склоняла и сына своего къ христіанской вѣрѣ, но тщетно. Необузданный и воинственный Святославъ и слышать не хотѣлъ объ измѣнѣ старымъ богамъ. Это былъ воинъ отъ рожденія. Едва возмужавъ, онъ уже

Рис. 1. Воины Святослава: угонъ скота. (Изъ древней лѣтописи).

предпринимаетъ походы. Войско Святослава шло всегда налегкѣ, — ни котловъ, ни возовъ съ собой не брало; мясо не варили, а нарѣзавъ тонкими ломтями поджаривали на угляхъ костра; спали, подложивъ подъ голову сѣдло. Не имѣя съ собой ничего тяжелаго, Святославъ съ своей дружиной легко и быстро переходилъ съ мѣста на мѣсто. Прежде всего онъ покорилъ славянское племя вятичей, жившихъ по Окѣ и Волгѣ и платившихъ дань хазарамъ. Затѣмъ Святославъ направился въ Хазарію, разбилъ высланное ему на встрѣчу войско и разгромилъ торговые города хазарскіе. Отсюда онъ пробрался въ сѣ-

верный Кавказъ и покорилъ два тюркскихъ народа, ясовъ и косоговъ. Послѣ этого онъ направился въ Болгарію на Дунаѣ и овладѣлъ многими болгарскими городами. Пользуясь его отсутствіемъ, въ кіевскую землю вторгнулись печенѣги и осадили Кіевъ. Святославъ, услышавъ объ этомъ, вернулся обратно и прогналъ печенѣговъ въ ихъ степи. Но не нравился князю Кіевъ, его влекло на Дунай, гдѣ и мѣста красивѣе, и жизнь привольнѣе. «Не любо мнѣ въ Кіевѣ, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ,—говорилъ онъ,—тамъ середина земли моей и туда привозятъ всякія богатства: изъ Греціи золото и дорогія ткани, вина и разныя овощи; изъ Чехіи и Угорьской земли—серебро и коней; изъ Руси мѣха и воскъ, медъ и рабовъ». И когда Ольга вскорѣ послѣ того умерла, Святославъ, посадивъ въ Кіевѣ сына Ярополка, въ древлянской землѣ—Олега, въ Новгородѣ—Владиміра, опять отправился въ Болгарію. Долго и упорно бился онъ тамъ съ болгарами и греками, но подъ конецъ одолѣлъ его греческій царь Иванъ Цимисхій, и съ небольшимъ войскомъ кіевскій князь отправился обратно въ свою землю. По дорогѣ, на днѣпровскихъ порогахъ на него внезапно напали печенѣги, перебили всѣхъ его воиновъ, палъ и Святославъ. Печенѣжскій князь сдѣлалъ изъ черепа его чашу и пилъ изъ нея вино.

Кіевскимъ княземъ сталъ Ярополкъ. Между нимъ и братомъ его Олегомъ древлянскимъ вспыхнула вражда. Братья вступили въ битву, и Олегъ погибъ въ сраженіи. Владиміръ, услыхавъ объ этомъ, испугался, что и съ нимъ будетъ тоже и убѣжалъ къ варягамъ за море. Ярополкъ посадилъ въ Новгородѣ своего посадника и сталъ одинъ править Русью. Но Владиміръ вернулся на другой годъ съ варягами, овладѣлъ Новгородомъ и направился въ Кіевъ. Дружина Ярополка измѣнила своему

князю, Ярополкъ бѣжалъ изъ Кіева и затѣмъ былъ убитъ слугами Владимира. Съ 980 г. Владиміръ одинъ сталъ княжить Русью, но ему сильно мѣшали приведенные имъ варяги, которые становились все требовательнѣе. Владиміръ поставилъ многихъ изъ нихъ воеводами въ города, а остальныхъ отправилъ въ Грецію. Онъ отличался большой приверженностью къ старой языческой вѣрѣ и при немъ не мало поставлено было идоловъ въ Кіевѣ и Новгородѣ. И въ войнахъ не было недостатка при немъ. Воевалъ онъ съ вятичами, радимичами, ляхами, болгарами волжскими и значительно расширилъ предѣлы своего княжества. При Владимірѣ Русь стала христіанской. Крестился самъ князь, его домашніе и большая часть его дружины. Приняло крещеніе и много простого народу. Это случилось, по лѣтописи, въ 988 г.

Послѣ крещенія Владиміръ [1]) продолжалъ расширять и охранять границы своего княжества. Онъ ходилъ съ походомъ на дунайскихъ славянъ, опять на волжскихъ болгаръ и на ляховъ; но особенно упорна и успѣшна была его борьба съ печенѣгами, владѣнія которыхъ до него были въ 40, а при немъ отодвинулись еще на 40 верстъ къ югу отъ Кіева. Онъ строилъ укрѣпленія-городки въ степи и не допускалъ кочевниковъ врываться въ русскую землю.

Принявъ христіанскую вѣру, Владиміръ сталъ строить храмы и усиленно раздавать милостыню увѣчнымъ и убогимъ. Въ его совѣтѣ находились теперь не только дружинники, но и священники-греки.

Въ 1015 г. онъ умеръ. По обычаю предковъ онъ еще при жизни посадилъ своихъ сыновей въ различныхъ обла-

---

[1]) Онъ извѣстенъ въ русской исторіи подъ именемъ Владиміра Святого.

стяхъ русской земли. Ярославъ былъ въ Новгородѣ, Борисъ—въ Муромѣ, Глѣбъ—въ Ростовѣ, а старшій сынъ Святополкъ при отцѣ, въ Кіевѣ. Святополкъ задумалъ одинъ править землей, измѣнически убилъ Бориса и Глѣба и тоже хотѣлъ сдѣлать съ Ярославомъ, но этотъ послѣдній во время узналъ объ опасности и принялъ мѣры предосторожности. Между братьями возгорѣлась война. Нѣсколько лѣтъ тянулась она съ перемѣннымъ успѣхомъ. Святополку помогалъ его родственникъ по женѣ, польскій король Болеславъ, и печенѣги. Но въ концѣ концовъ побѣдилъ Ярославъ, который и утвердился въ 1019 г. въ Кіевѣ, а Святополкъ умеръ гдѣ-то въ Польшѣ. Ярославъ сидѣлъ на кіевскомъ престолѣ до самой своей смерти въ 1054 г.; съ 1035 г. княжилъ онъ одинъ въ русской землѣ. До этого времени на югѣ правилъ Тмутараканью [1]) его братъ Мстиславъ, съ которымъ у него не разъ происходили схватки.

Въ долгое правленіе Ярослава Русь продолжала воевать съ печенѣгами и ляхами (поляками). У литовцевъ-ятвиговъ были отняты земли по лѣвымъ притокамъ р. Нѣмана и получили прозваніе Черной Руси. Торговля съ варягами и греками расширилась. Кіевъ былъ обнесенъ каменной стѣной и украшенъ храмами. Особенно хорошъ былъ храмъ св. Софіи, построенный византійскими мастерами. Возникъ кіево-печерскій монастырь. Стали переводить св. Писаніе съ греческаго на русскій языкъ. Грамота распространялась все больше. Самъ Ярославъ очень любилъ книги и много читалъ. При немъ впервые записаны были судебные обычаи русской земли. Сборникъ судебныхъ правилъ извѣстенъ подъ именемъ «Рус-

[1]) Княжество Тмутараканьское находилось тамъ, гдѣ раньше жили побѣжденные Святославомъ ясы и косоги, на берегахъ Азовскаго и Чернаго моря по р. Кубани.

ской Правды». Князь Ярославъ былъ извѣстенъ и за границей. Его сынъ Всеволодъ женился на дочери греческаго императора Константина Мономаха, а дочери вышли замужъ, — одна за короля Франціи, другая за короля Венгріи.

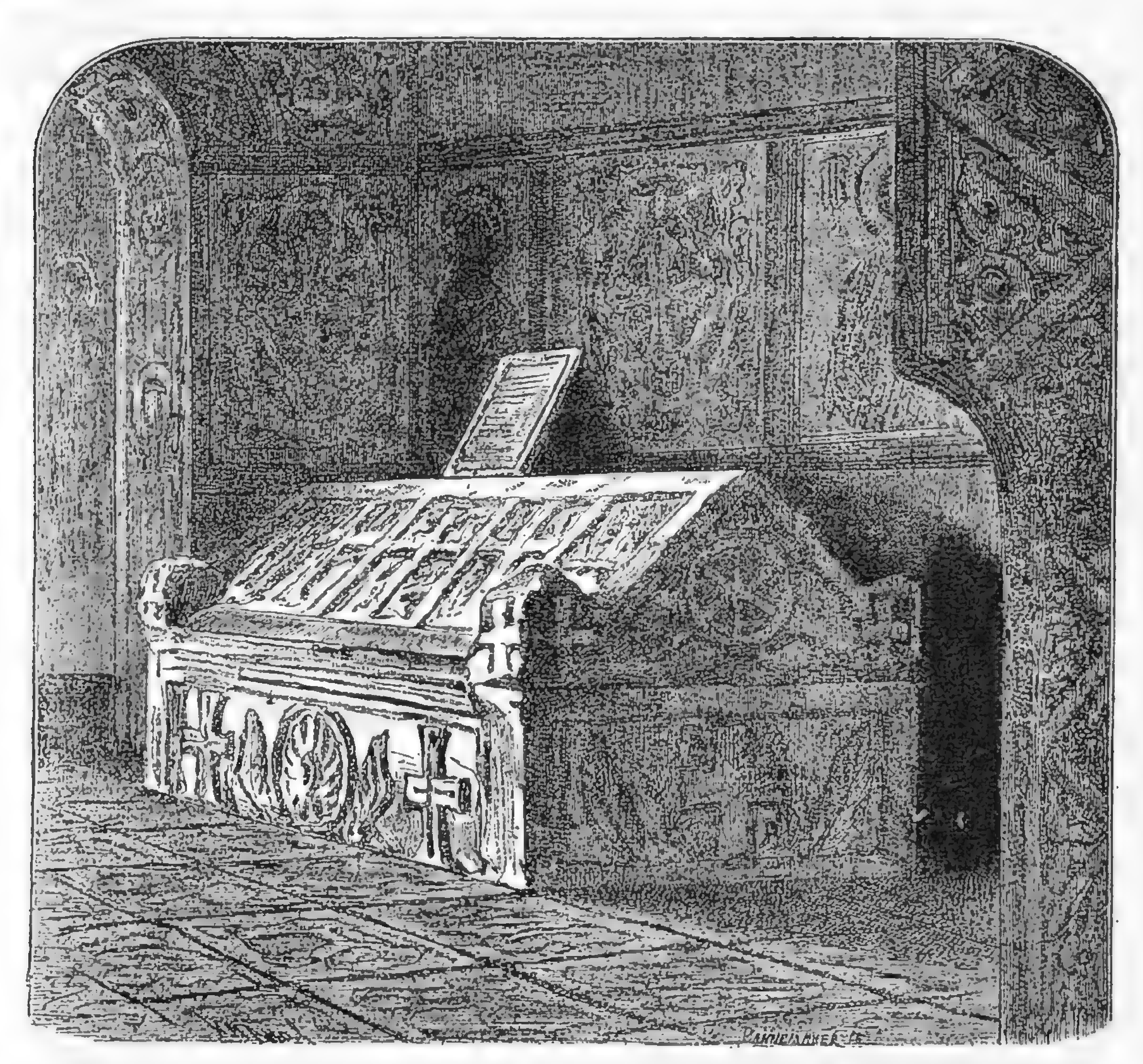

Рис. 2. Гробница Ярослава Мудраго въ Софійскомъ соборѣ.

Передъ смертью Ярославъ раздѣлилъ землю между пятью сыновьями. Старшій, Изяславъ, получилъ Кіевъ съ округой, второй, Святославъ, — Черниговъ, третій, Всеволодъ, — Переяславль, четвертый, Игорь, — Владиміръ-Волынскій, пятый, Вячеславъ, — Смоленскъ. Онъ за-

вѣщалъ имъ жить дружно и слушаться старшаго брата, какъ отца. И первое время братья жили дружно. По смерти Ярослава въ Русь впервые вторгнулись половцы [1]) и нанесли Всеволоду переяславскому сильное пораженіе. Но миръ между князьями продолжался недолго. Въ княжеской семьѣ находились еще два взрослыхъ племянника. Одному изъ нихъ, Ростиславу, дядья дали малолюдную Суздальскую землю, а другому, Глѣбу, Тмутаракань. Вскорѣ одинъ изъ братьевъ, Вячеславъ смоленскій, умеръ, и братья перевели на его мѣсто Игоря изъ Волыни, а Волынь отдали Ростиславу. Черезъ три года Игорь умеръ, и Ростиславъ надѣялся, что его переведутъ въ Смоленскъ: онъ былъ старшимъ изъ тѣхъ, кто имѣлъ право на этотъ городъ. Но князья рѣшили иначе и не дали ему Смоленска. Ростиславъ счелъ себя обиженнымъ и рѣшилъ силой овладѣть тмутараканьскимъ княжествомъ Глѣба. Въ то же время князь полоцкій Всеславъ [2]) пытался овладѣть сначала Псковомъ, затѣмъ Новгородомъ, но неудачно. Князья-братья Ярославичи захватили его въ плѣнъ и посадили въ тюрьму въ Кіевѣ. Такъ началась междуусобная война. Между тѣмъ нападенія со стороны половцевъ все учащались, и въ борьбѣ съ ними особенно отличался Святославъ черниговскій. Кіевляне же были недовольны своимъ княземъ Изяславомъ, и однажды, послѣ неудачнаго его похода на половцевъ, они освободили изъ тюрьмы Всеслава и провозгласили его своимъ княземъ. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу и черезъ нѣкоторое время возвратился съ сильнымъ войскомъ. Всеславъ бѣжалъ въ Полоцкъ, которымъ послѣ нѣкоторой борьбы съ Изяславомъ овладѣлъ вновь. Святославъ черниговскій,

---

[1]) Кочевники, въ родѣ печенѣговъ.

[2]) Полоцкіе князья состояли въ отдаленномъ родствѣ съ семьею Ярослава.

расчитывая на свою славу, рѣшилъ лишить Изяслава Кіева и самому стать великимъ княземъ. Соединившись съ Всеволодомъ, онъ пошелъ на Кіевъ. Изяславъ опять бѣжалъ за границу, а Святославъ сталъ княжить въ Кіевѣ. Такъ не прекращалась борьба между сыновьями Ярослава.

Княжеская семья разросталась, учащались и споры за старшинство между князьями, и Кіевъ переходилъ отъ одного къ другому, то въ силу старшинства, то по призыву кіевлянъ, то въ силу завоеванія. Послѣ смерти Святослава Кіевомъ опять овладѣлъ Изяславъ, а послѣ него его братъ Всеволодъ. При немъ особенно выдвинулся среди князей его сынъ Владиміръ, получившій впослѣдствіе прозвище Мономаха[1]). Ему досталась переяславская земля, особенно страдавшая отъ половецкихъ набѣговъ. Владиміръ Мономахъ скорбѣлъ о розни между князьями, не разъ старался ихъ примирить и направить ихъ усилія на борьбу съ половцами. Самъ онъ находился въ безпрерывной борьбѣ съ кочевниками, и своими удачными походами въ половецкія земли и успѣшной защитой Руси отъ нихъ пріобрѣлъ большую славу среди русскихъ князей и простого народа.

Древнѣйшая кіевская лѣтопись кончается описаніемъ событій 1110 года[2]). Но изъ другихъ лѣтописей мы знаемъ, что послѣ смерти великаго князя кіевскаго Святополка въ 1113 г., кіевляне пригласили къ себѣ Владиміра Мономаха. Послѣ долгихъ колебаній Владиміръ согласился, а колебаться ему было отъ чего: великокняжескій престолъ доставался ему не по старшинству. Но цѣлыхъ 12

---

[1]) По дѣду его, греческому императору Константину Мономаху.

[2]) По преданію, эта лѣтопись составлена монахомъ Кіево-печерскаго монастыря, Несторомъ.

лѣтъ правилъ онъ благополучно и умѣло кіевской землеі все это время Русь отдыхала отъ княжескихъ усобиц да и половцы прекратили свои набѣги, послѣ однон жестокаго пораженія, нанесеннаго имъ русскими князьям подъ руководствомъ Владиміра. Онъ умеръ въ 1125 год Лѣтописецъ говоритъ: «весь народъ и всѣ люди плакал по Владимірѣ Мономахѣ, какъ дѣти плачутъ по отцѣ ил по матери». Владиміръ любилъ, подобно дѣду своем Ярославу, книги и самъ писалъ. Извѣстно его «Поуче ніе дѣтямъ».

На этомъ мы и покончимъ съ лѣтописнымъ разска зомъ о первыхъ временахъ русскаго государства. Мно въ этомъ разсказѣ сомнительнаго и недочетовъ. Очен много въ немъ подробностей о томъ, что дѣлали князі и очень мало свѣдѣній о жизни народа. Чтобы понят первоначальную русскую исторію правильно, необходим и къ разсказу лѣтописца относиться осторожно, и п больше познакомиться съ жизнью народа того времен Къ сожалѣнію, кромѣ лѣтописей, въ которыхъ говорит по большей части о князьяхъ, курганныхъ раскопокъ сказаній иностранцевъ, отрывочныхъ и неполныхъ, у нас нѣтъ другихъ источниковъ для знакомства съ тѣмъ вре менемъ, когда возникали начатки русскаго государства. всѣ эти источники даютъ лишь обрывки свѣдѣній первыхъ временахъ жизни русскаго народа. Пользуяс этими обрывками, мы и должны возстановить въ своем воображеніи картину жизни минувшихъ временъ. И прежд всего посмотримъ, какъ возникло первое русское княже ство, во главѣ котораго сталъ Кіевъ.

II.

Возникновеніе перваго русскаго княжества.

Занявъ часть обширной русской равнины, славяне разселились по ней племенами. Племена носили названіе либо по мѣстности, ими занимавшейся (поляне, древляне), либо по имени предполагаемаго родоначальника племени (радимичи, вятичи). Ничто, кромѣ языка и общихъ вѣрованій, не связывало племена другъ съ другомъ. Каждое изъ нихъ жило само по себѣ и съ враждой относилось къ другому. Поляне не считали древлянъ «своими», и полянская молодежь охотно предпринимала набѣги на древлянскую землю. Такъ же поступали и древляне. Въ основѣ этой вражды лежали споры за землю. Владѣнія племенъ не были, да и не могли быть точно разграничены, и каждое племя стремилось захватить въ свои руки какъ можно больше земли, лѣсу и рѣкъ. Но и внутри каждаго отдѣльнаго племени происходила вражда между отдѣльными семьями и задругами. И чѣмъ больше разросталось племя, тѣмъ больше становилась эта вражда. Племя какъ бы стремилось распасться на отдѣльные роды—задруги. Но та же самая вражда, которая разрывала племя на части, содѣйствовала его сплоченію. И поляне, и древляне, и кривичи, враждуя другъ съ другомъ, сплачивались изнутри сначала на короткое, а потомъ и на болѣе продолжительное время. Чтобы защищать свои границы, нужны были воины, а воины нуждались въ полководцѣ, военачальникѣ, вождѣ. Строились города, куда въ случаѣ опасности стекались окрестные жители, и въ этихъ городахъ сталъ постоянно жить вождь со своей дружиной. Это былъ какой-нибудь уважаемый глава большей семьи-задруги, отличавшійся своей храбростью

II. Карта разселенія славянскихъ племенъ на Руси въ IX вѣкѣ.

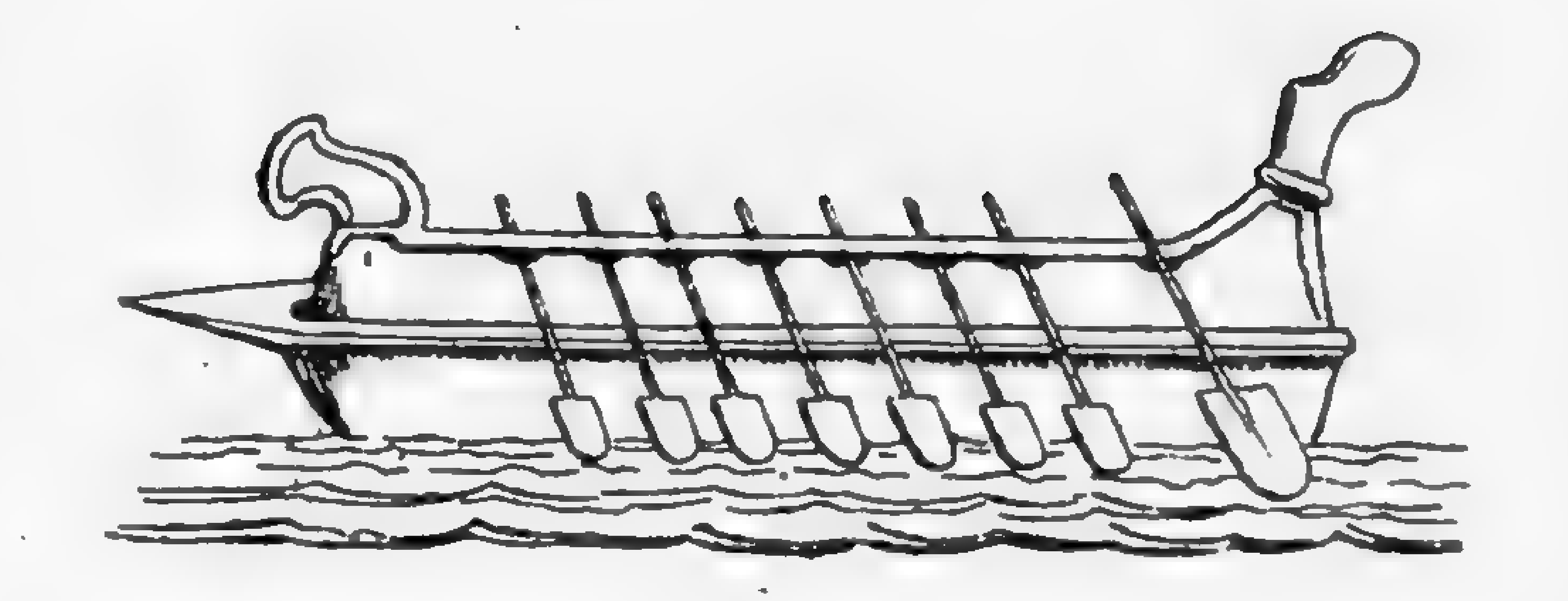
и военнымъ искусствомъ. Но и въ мирное время его окружалъ почетъ и къ нему приходили искать суда и защиты его одноплеменники. Небольшее племя объединялось все вокругъ такого вождя. Лѣтописецъ говоритъ, что въ каждомъ племени былъ свой князь, т. е. военачальникъ и судья. Большія племена разбивались однако на нѣсколько частей, и каждая такая часть имѣла свой городъ и своего старѣйшину. Такъ управлялись, напр., древляне. Основатель Кіева, Кій, тоже, вѣроятно, стоялъ во главѣ не всего племени полянъ, а только одной его части. Иногда племя объединялось еще тѣснѣе, соединялось даже нѣсколько племенъ вмѣстѣ. Это происходило подъ вліяніемъ внѣшней опасности, долгой борьбы съ чужими народами. Такъ, подъ вліяніемъ войны съ греками и степными кочевниками славянскія племена составили въ VI вѣкѣ большой союзъ, во главѣ котораго стояли дулѣбы. Кочевники - авары разрушили этотъ союзъ.

Въ VIII вѣкѣ объединенію племенъ стали содѣйствовать торговые города. Города древлянъ, вятичей, дреговичей были просто укрѣпленными мѣстами, а ихъ жители занимались охотой и хлѣбопашествомъ. Но города, расположенные по Днѣпру и Волхову, рано превратились въ торговые города. Съ давнихъ временъ Днѣпръ служилъ торговой дорогой съ юга на сѣверъ. Греки направлялись по этой рѣкѣ къ Балтійскому морю, гдѣ они покупали у тамошнихъ береговыхъ жителей янтарь, который въ древности цѣнился наравнѣ съ золотомъ. А нашъ лѣтописецъ называлъ эту рѣку, какъ извѣстно, дорогой «изъ Варягъ въ Греки». Это былъ самый удобный и самый близкій путь изъ русско-славянской земли въ богатую Византію. Въ концѣ VII вѣка въ нижневолжскихъ степяхъ укрѣпилось могущественное царство

хазаръ, съ торговымъ городомъ Итилемъ на Волгѣ. И греки, и хазары, и, впослѣдствіи, волжскіе булгары завязали съ днѣпровскими славянами торговлю. Славянскіе торговцы ѣздили и въ Царьградъ (Константинополь), и въ Итиль, а иноземные купцы пробирались въ Кіевъ, Любичъ, Смоленскъ, Черниговъ и Новгородъ на Волховѣ. Особенно выгодное мѣсто занималъ Кіевъ. Онъ сталъ средоточіемъ торговли Руси съ греками. Въ первой половинѣ IX в. хазарское царство начинаетъ клониться къ упадку, въ южныхъ степяхъ появляются дикіе кочевники, печенѣги. Они не только мѣшаютъ торговлѣ, но и угрожаютъ самому существованію днѣпровскихъ городовъ, особенно Кіеву, ближе другихъ стоявшему къ степи. Тогда эти города начинаютъ вооружаться, укрѣпляться, заводить дружины для собственной защиты и охраны путей, а также купцовъ, отправлявшихся съ товарами въ Грецію. Во главѣ этихъ городовъ стояли купцы, которые въ то же время были и воинами. И населеніе цѣлой большой округи, волости, видѣло въ нихъ своихъ естественныхъ защитниковъ. Нерѣдко бывали, впрочемъ, случаи, когда городъ силой захватывалъ цѣлыя области и облагалъ ихъ данями. Дань состояла изъ мѣховъ, воску и меда, т. е. какъ разъ тѣхъ товаровъ, которые возили купцы въ Царьградъ и Итиль. И чѣмъ больше областей находилось во владѣніи города, тѣмъ больше мѣховъ и меду вывозили купцы за границу, тѣмъ богаче были сами города. Такъ объединяли города славянскіе народы. Но это объединеніе совершалось не на основѣ племенного родства. Въ составъ Кіевской области входили не только всѣ поляне, но также часть древлянъ и часть кривичей и сѣверянъ. Такъ обстояло дѣло и въ другихъ городскихъ областяхъ. Постепенно жители этихъ областей стали говорить: «я изъ кіевской земли», или

«я изъ черниговской земли» и т. п.; а раньше говорили: «я съ древлянской, либо съ полянской земли» и т. д. Города покрывали своимъ именемъ подчиненныя имъ области. Въ концѣ IX в. извѣстны были слѣдующія области, названныя именемъ главнаго города: Черниговская, Полоцкая, Смоленская, Новгородская, Кіевская и Переяславская.

Въ то время, какъ на южномъ концѣ рѣчного пути «изъ Варягъ въ Греки» возникла опасность со стороны печенѣговъ, на сѣверномъ его концѣ появились норманны, или—какъ называли ихъ славяне — варяги. Откуда и зачѣмъ пришли они сюда? Норманны — народъ германскаго племени, населявшій Скандинавскій и Ютландскій полуострова, гдѣ теперь расположены Швеція,

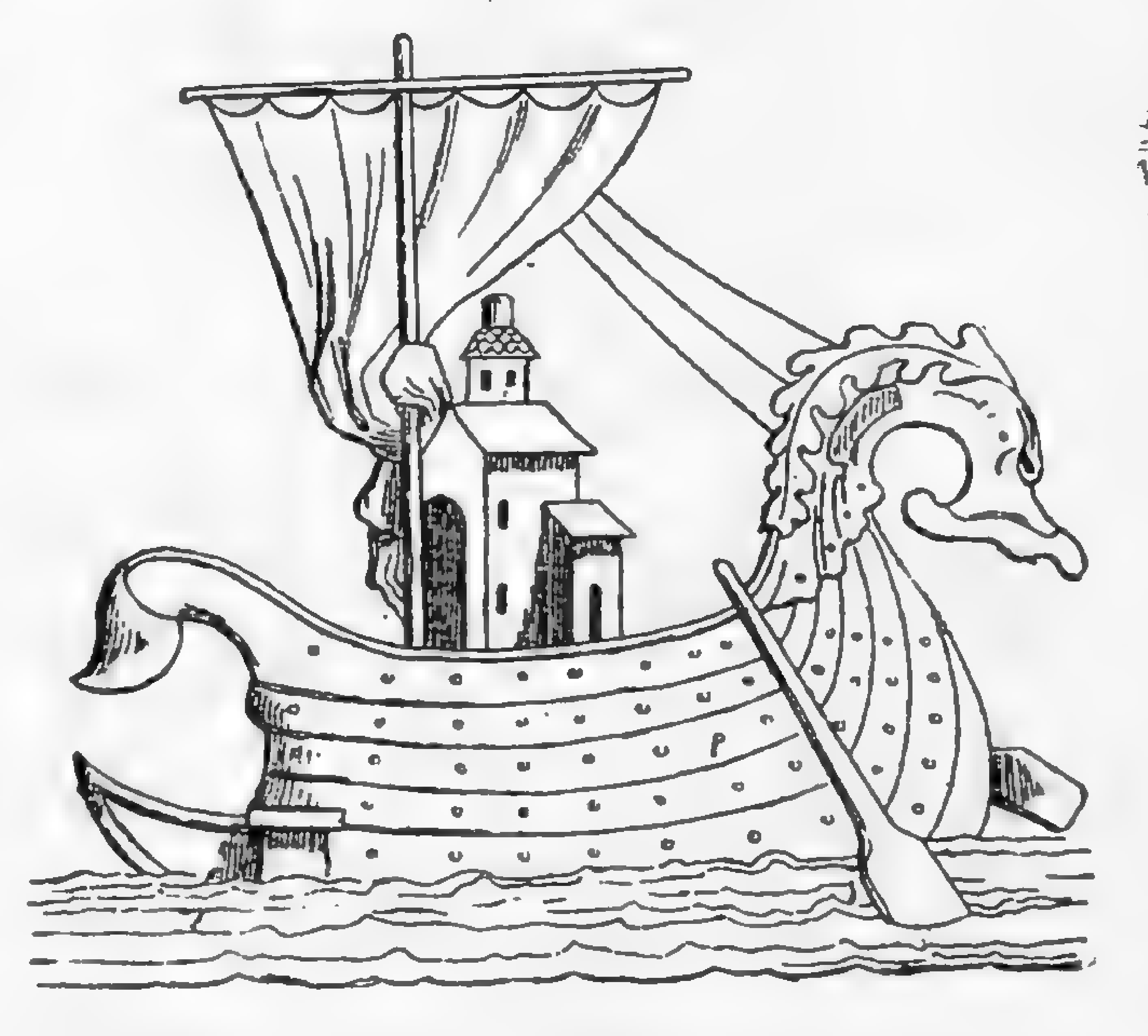

Рис. 3, 4 и 5. Норманскія судна.

Норвегія и Данія. Суровая природа и скудная почва мало вознаграждали трудъ человѣка, и излишнее населеніе искало счастья и удачи на сторонѣ. Норманны жили небольшими племенами, во главѣ которыхъ стоялъ вождь, конунгъ, какъ они его звали. Нерѣдко кто-нибудь изъ конунговъ или близкихъ ему людей собиралъ дружину смѣлыхъ воиновъ, и на большихъ лодкахъ отправлялась храбрая дружина на югъ, черезъ море, искать добычи и славы. Въ концѣ VIII и началѣ IX в. норманны все чаще и чаще стали

Рис. 6 и 7. Варяжскіе стрѣлки. (Съ ковра XI в.).

посѣщать берега западной Европы, и своими хищными набѣгами приводили въ трепетъ жителей тѣхъ странъ, гдѣ появлялись. Въ IX и X вѣкахъ они уже успѣли захватить часть Франціи, островъ Сицилію, проникли на острова Великобританіи, которые въ XII в. и совсѣмъ завоевали. Черезъ Балтійское море и Финскій заливъ норманны проникли въ славянскія земли и по Волхову,

а затѣмъ по Днѣпру спускались внизъ и, переплывъ Черное море, появлялись передъ стѣнами Царьграда. Они являлись сюда то какъ дерзкіе грабители, то какъ торговцы и нерѣдко предлагали свои услуги, какъ воины, конечно, за приличное вознагражденіе. Подъ 859 г. лѣтописецъ заноситъ слѣдующее извѣстіе въ свою лѣтопись: «Варяги изъ-за моря берутъ дань съ чуди, славянъ, мери, веси и кривичей». Подъ славянами онъ разумѣетъ ильменскихъ или новгородскихъ славянъ. Но въ 862 г. онъ пишетъ, что варяжскіе данники «прогнали варяговъ за море, перестали платить имъ дань и стали сами собой управлять». Итакъ, варяги нападали на ильменскихъ славянъ и финновъ и заставляли ихъ платить себѣ дань. Случалось однако, что собравшись съ силами славяне изгоняли своихъ поработителей. Такъ, вѣроятно, было не только въ новгородской области, но и по всему водному пути «изъ Варягъ въ Греки».

Рис. 8 и 9. Варяжскіе воины.

Но варяги не только были грозными врагами славянъ, они являлись иногда и желанными союзниками въ борьбѣ съ степными кочевниками. Торговые города нанимали варяжскіе дружины, платили имъ ежегодно опредѣленное жалованье и посылали ихъ то воевать съ печенѣгами, то охранять купеческіе караваны въ пути на югъ. Нерѣдко бывали случаи, что въ городѣ накоплялось такое

множество варяговъ, что изъ наемниковъ они превращались въ завоевателей и захватывали власть надъ городомъ и его областію въ свои руки. Такъ, вѣроятно, и случилось въ Новгородѣ, гдѣ, по словамъ лѣтописца, первымъ княземъ былъ Рюрикъ. Такъ же произошло, повидимому, и въ Кіевѣ, гдѣ правили Аскольдъ и Диръ. Захватъ Кіева произошелъ тѣмъ легче, что кіевляне были въ то время данниками хазаръ.

Укрѣпившись въ городѣ, варяжскіе князья очень легко овладѣвали и городовой областью. Вѣроятно, вначалѣ было нѣсколько самостоятельныхъ варяжскихъ княжествъ, но съ теченіемъ времени образовалось одно, съ Кіевомъ во главѣ, расположившееся вдоль пути «изъ Варягъ въ Греки». По лѣтописи, это случилось при Олегѣ путемъ завоеванія. Не довольствуясь захваченной областью, князья старались расширить свои владѣнія и съ этой цѣлью предпринимали походы въ другія славянскія земли. Такъ Олегъ завоевалъ древлянскую, радимичскую, сѣверянскую, кривичскую землю, а также землю дулѣбовъ и хорватовъ. Одни изъ этихъ племенъ довольно легко и охотно подчинялись смѣлому варягу. Это были племена, платившіе дань хазарамъ: радимичи и сѣверяне. Другіе, какъ, напр., древляне, хорваты и дулѣбы, оказали ему жестокое и упорное сопротивленіе: они жили самостоятельно и не хотѣли подчиняться пришельцамъ. Изъ разсказа лѣтописца мы знаемъ, что и преемнику Олега, Игорю, пришлось замирять возставшихъ древлянъ, да и слѣдующіе князья, продолжая силой объединять новыя племена, то и дѣло подавляли мятежи прежнихъ своихъ данниковъ.

Постепенно пришлые варяги смѣшались съ мѣстнымъ славянствомъ, переняли ихъ нравы, языкъ, вѣрованія, словомъ, ославянились и стали смотрѣть на но-

выхъ пришельцевъ изъ за Балтійскаго моря, какъ на чужихъ и вовсе не всегда желанныхъ людей. Такъ, Владиміръ былъ очень радъ, когда сбылъ съ рукъ варяжскую дружину, помогшую ему овладѣть Кіевомъ. А все болѣе и болѣе возроставшая опасность со стороны печенѣговъ сдѣлала князей въ глазахъ народа полезными и необходимыми защитниками земли.

По словамъ лѣтописца, варяжскіе князья, пришедшіе къ ильменскимъ славянамъ, происходили изъ племени русь. Это свое имя они дали и тому княжеству, во главѣ котораго сталъ Кіевъ. Постепенно этимъ именемъ стала называться вся страна, населенная восточнославянскими племенами. Да и не только нашъ лѣтописецъ, но и греки, съ которыми славяне вели торговлю и въ землю которыхъ они не однажды являлись вмѣстѣ съ варяжскими дружинами, всегда отличали руссовъ отъ славянъ. Именемъ руссовъ они называли варяговъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, и греки, и арабы называли руссами всѣхъ, приходившихъ въ Царьградъ или на Волгу съ Днѣпра, т. е. какъ славянъ, такъ и варяговъ, безразлично.

Вотъ какимъ путемъ возникли начатки русскаго государства.

Жизнь каждаго народа проходитъ прежде всего въ заботахъ о пропитаніи. Посмотримъ же, какъ и какимъ способомъ добывало себѣ пропитаніе населеніе Кіевской Руси.

III.

Деревня и городъ въ Кіевской Руси.

На берегу рѣки стоятъ три-четыре крестьянскихъ двора. Это село смердовъ, какъ называли въ то время

сельскихъ жителей, простыхъ людей. Въ каждомъ дворѣ—теплая изба съ холодной лѣтней клѣтью и сѣнями между ними, хлѣвъ для скота, амбарушка для зерна и другого добра, за хлѣвомъ небольшой огородикъ, неподалеку отъ двора гумно. На дворѣ можно было увидѣть соху и борону, корову, быка, свиней, овецъ, но очень рѣдко куръ, гусей, утокъ. Крестьяне того времени еще не держали этихъ птицъ,—онѣ были дороги. Такъ курица стоила въ XI—XII столѣтіи на наши деньги отъ 1 р. 25 к. до 2 р. 90 к., утка и гусь отъ 4 р. 20 к. до 4 р. 80 к. Ясно, что такая дороговизна домашней птицы происходила отъ того, что рѣдко кто держалъ ее. Какъ видно, смердъ занимался земледѣліемъ и разводилъ скотъ. Но не это составляло главный источникъ его пропитанія.

Села смердовъ стояли гдѣ-либо на опушкѣ лѣса или на лѣсной полянѣ. Кругомъ простирались необъятные лѣса, покрывавшіе собою всю Россію отъ южныхъ степей и до Бѣлаго моря. Очень хорошо говоритъ объ этихъ лѣсахъ поэтъ Мей:

Лѣсъ дремучій кругомъ понавѣсился,
Вѣковыми дубами, березами,
Сползъ съ горы, перебрался и за рѣку,
Точно въ бродъ перешелъ и раскинулся,
Въ необъятную даль, въ необъѣздную.

Эти лѣса переполнены были всевозможнымъ звѣрьемъ и птицами. Въ сѣверо-восточныхъ областяхъ Руси водились кабаны, бѣлки, зайцы, тетерева, соболи, горностаи, черныя куницы, песцы, бѣлые волки. Волховъ славился гоголиными ловлями. По р. Шекснѣ во множествѣ попадались медвѣди. Двинская земля (нынѣ Вологодскій Край) изобиловала бѣлками, бобрами, соболями. Бобры водились въ лѣсахъ Рязанской области, по Волгѣ и въ Московской области. Въ Черниговской области во вре-

мена Владиміра Мономаха попадались въ изобиліи дикіе быки, олени, лоси, кабаны, медвѣди, волки, дикіе кони. Помимо того въ лѣсахъ было такое множество пчелъ, что они тучами носились въ воздухѣ и преграждали дорогу путнику. А вдоль рѣчекъ и въ многочисленныхъ болотахъ обитали тысячи всевозможныхъ водяныхъ птицъ. Теперешніе жители Россіи и представить себѣ не могутъ тѣхъ необъятныхъ звѣриныхъ и птичьихъ богатствъ, которыми изобиловала древняя Русь. Мудрено-ли, что люди того времени легче всего могли прокормиться охотой на звѣря и птицу! И дѣйствительно, звѣроловство и птицеловство составляли главное занятіе смерда.

Рис. 10. Охота на вепря. (Стѣнная живопись въ Кіево-Софійскомъ соборѣ).

Птицъ ловили силками и сѣтями, звѣрей — при помощи перевѣса. Перевѣсъ или перевѣсье — это снарядъ,

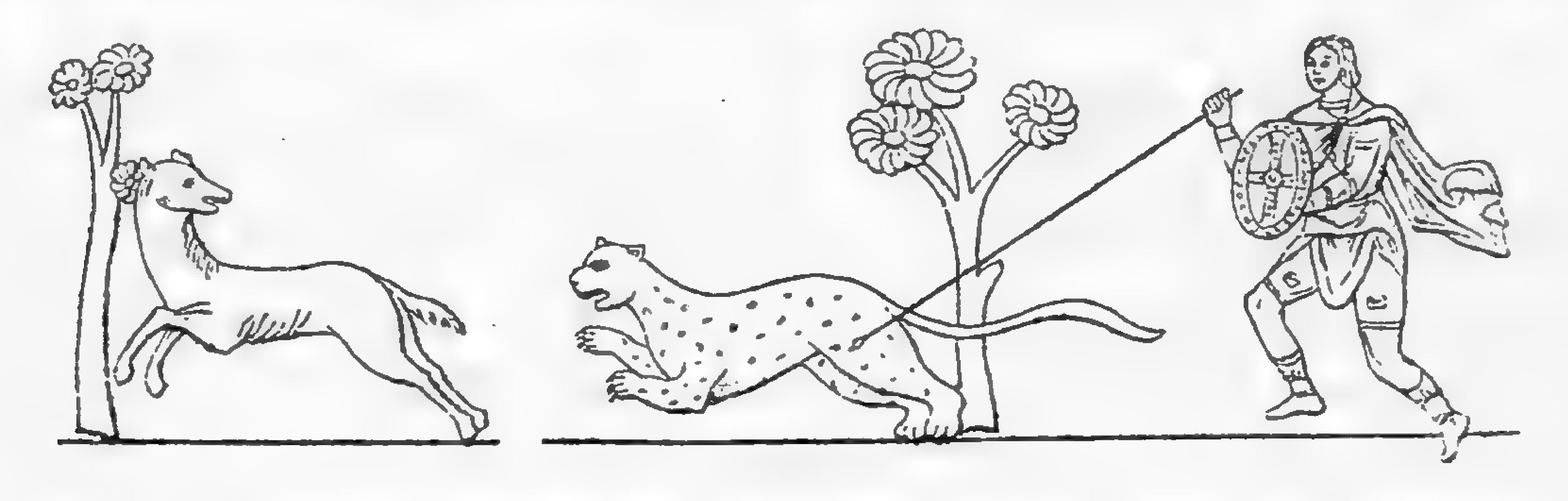

Рис. 11. Воинъ поражаетъ копьемъ барса, который гонится за лошадью. (Тамъ-же).

состоящій изъ веревокъ, навѣшанныхъ петлями. Большихъ звѣрей—оленей, лосей—ловили сѣтями. Сѣти разстилали въ бору и гнали звѣря туда; лось или олень

запутывался въ петляхъ и становился добычей охотника. Смерды охотились либо въ одиночку, либо небольшой компаніей. Но князья и бояре устраивали цѣлыя облавы на звѣря. Не легко было справиться съ крупнымъ и сильнымъ лѣснымъ звѣремъ, и охотники подвергались нерѣдко большой опасности. Владиміръ Мономахъ въ своемъ «поученіи» разсказываетъ о себѣ: «Туръ два раза подымалъ меня на рога вмѣстѣ съ конемъ; олень бодалъ меня; лось ногами топталъ, а другой рогами бодалъ;

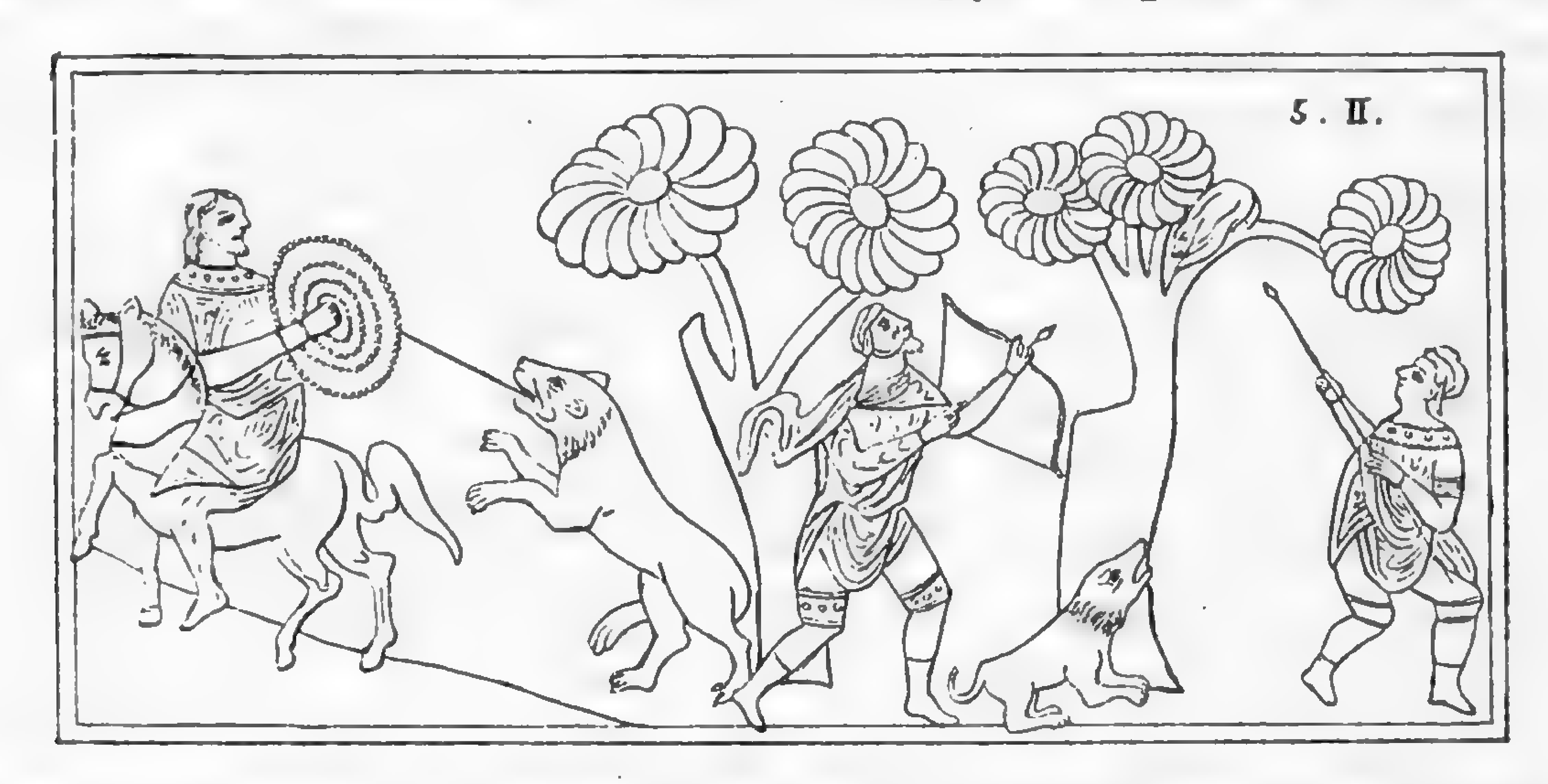

Рис. 12. Всадникъ поражаетъ волка, а стрѣлки охотятся за бѣлкой. (Стѣнная живопись въ Кіево-Софійскомъ соборѣ).

вепрь снялъ у меня мечъ съ бедра; медвѣдь укусилъ въ колѣно; лютый звѣрь вскочилъ ко мнѣ на бедра и повалилъ меня съ конемъ на землю». Таковы были опасности, сопряженныя съ охотой. Князья держали ловчихъ и птицъ: ястребовъ и соколовъ (кречетовъ). У многихъ были собачьи своры, главнымъ образомъ, для гонки бобровъ.

Лѣсные пчелы въ изобиліи давали медъ, которымъ широко пользовались люди. Пчельниковъ съ ульями въ то время не разводили, да этого и не надо было. Стоило только пойти въ лѣсъ, отыскать дуплистое дерево, и тамъ

всегда почти оказывалось масса меду. Впослѣдствіи смерды сами стали выбивать въ деревѣ дупло, гдѣ и поселялись пчелы. Такія деревья носили названія бортья, а добываніе меда и воска—бортничествомъ. Смердъ отмѣчалъ въ лѣсу бортья, откуда онъ постоянно бралъ медъ, какимъ нибудь знакомъ, обыкновенно насѣчкой, и этотъ знакъ

Рис. 14. Воинъ поражаетъ копьемъ медвѣдя. (Тамъ же).

или—какъ говорили тогда—знамя означало, что это дерево принадлежитъ ему; оно становилось его собственностью, и никто не имѣлъ права пользоваться имъ. Бортничество было очень сильно распространено среди славянъ; нерѣдко даже дань уплачивали они медомъ и воскомъ.

Вспахивали земли смерды лишь столько, сколько необходимо было, чтобы имѣть свой хлѣбъ. Одинъ арабскій писатель говоритъ о славянахъ: «Больше всего сѣютъ они просо», а другой пишетъ о руссахъ, пріѣхавшихъ съ товарами въ Итиль: «Вошедши въ пристань, каждый идетъ съ хлѣбомъ, мясомъ, лукомъ, молокомъ и медомъ

къ высокому деревянному пстукану приносить жертву». Значитъ, славяне сѣяли просо, рожь, сажали лукъ. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что они разводили, кромѣ того, пшеницу, капусту, рѣпу, чеснокъ, тыкву, хмѣль, ленъ, коноплю.

Какъ разрабатывали смерды свои пашни, въ точности неизвѣстно. Надо полагать, что также, какъ и ихъ предки, то-есть не унаваживали землю, а, истощивъ одну пашню, надолго запускали ее; вырубали затѣмъ участокъ лѣса, сжигали деревья и, удобривъ землю золой, вспахивали ее. Получалась новая, свѣжая пашня, которой пользовались, не удобряя, до полнаго ея истощенія.

Какъ видно изъ показанія арабскаго писателя, смерды питались мясомъ, хлѣбомъ, молокомъ, овощами и медомъ. Мясная пища была обильная и разнообразная, и русскіе долго не могли свыкнуться съ постами. Когда священники требовали, чтобы пасомые ими христіане не ѣли въ извѣстные дни и недѣли мяса, то всегда натыкались на протестъ. Тѣ долго не могли взять въ толкъ, почему надо отказываться отъ вкусной и питательной пищи. Во всякомъ случаѣ, смердъ питался гораздо лучше, чѣмъ нынѣшній нашъ крестьянинъ.

Одежду дѣлали изъ полотна и холста дома. Пряденье, тканье и шитье лежали на обязанности женщинъ. Строили избу и другія постройки сами хозяева, они-же дѣлали изъ дерева всю необходимую въ хозяйствѣ утварь. Покупались только глиняные горшки и плошки и коекакія желѣзныя издѣлія. Таково было несложное, простое хозяйство смерда.

Смердъ не имѣлъ своей земли. Въ тѣ времена частная собственность на землю еще только зарождалась на Руси. Земля, которую смердъ воздѣлывалъ, принадлежала не ему и его семьѣ, а общинѣ, состоявшей изъ нѣсколь-

кихъ родственныхъ или жившихъ долгое время вмѣстѣ семей, задругѣ, или, какъ она называлась въ то время, верви. Вервь — это земельная община, ей принадлежала земля, а каждая семья въ отдѣльности только пользовалась,

Рис. 14. Семейство князя Святослава Ярославича.

но не владѣла ею. Границы владѣній каждой верви точно обозначались, и нарушеніе межевыхъ знаковъ строго преслѣдовалось.

Но, кромѣ крестьянскихъ земель, были еще земли

княжескія, монастырскія и боярскія. Князья присваивали себѣ всякую свободную землю, а такихъ земель въ то время было много. Захватывали свободныя, еще не занятыя земли и купцы, разбогатѣвшіе отъ торговли съ греками. А монастырское землевладѣніе росло и ширилось, благодаря дарамъ землею, которые приносили имъ

Рис. 15 и 16. Одежда князей и зажиточныхъ людей XI вѣка.

вѣрующіе и, конечно, богатые люди. Князья и купцы (бояре), захвативъ землю, объявляли ее своей собственностью, они были первыми частными собственниками земли на Руси.

Но владѣть землею не имѣетъ смысла, если не поль-

зоваться ею. Какъ-же пользовались своей землей князья и бояре? Не сами-же они распахивали и засѣвали ее, не сами занимались бортничествомъ и звѣроловствомъ! Конечно, нѣтъ: для этого они употребляли трудъ рабовъ, носившихъ названіе холоповъ. Рабами становились обыкновенно военноплѣнные. Чѣмъ чаще происходили и чѣмъ

Рис. 17 и 18. Одежда женщины и дѣвушки въ XI вѣкѣ.

удачнѣе были войны, тѣмъ больше плѣнниковъ привозили на Русь; тѣмъ больше становилось и рабовъ. Князья и бояре и заселяли свои земли холопами и заставляли ихъ работать на себя. Безъ рабскаго труда крупное землевладѣніе не могло обойтись. И наоборотъ, чѣмъ больше было рабовъ, тѣмъ охотнѣе и быстрѣе расхватывали бояре

и князья свободныя земли. Одно съ другимъ было тѣсно связано. Пользовались землевладѣльцы и трудомъ смердовъ. Происходило это обыкновенно такъ. Пока смердъ былъ въ состояніи вести хозяйство собственными силами, онъ, конечно, и не думалъ идти работать къ боярину или князю. Но вотъ пришли половцы и раззорили жилище смерда, вытоптали его поля и угнали скотъ. Только что онъ оправился отъ несчастья, какъ является князь чужой земли съ дружиной, и опять гибнетъ все добро смерда. И чѣмъ чаще происходили такіе набѣги, тѣмъ больше становилось обѣднѣвшихъ и раззорившихся смердовъ. Куда имъ идти, гдѣ искать помощи? Разумѣется, къ князю, къ боярину или монастырю. Тамъ онъ получалъ сѣмена для посѣва, лошадь, соху, вообще все, что нужно для веденія хозяйства, но за это обязывался въ извѣстный срокъ уплатить долгъ хозяину, и не просто, а съ большими процентами. Такіе смерды назывались закупами, отъ слова «купить», которое въ то время означало «нанять». Кто-же хотѣлъ сказать, что онъ не только нанялъ, но и пріобрѣлъ вещь въ собственность, тотъ говорилъ: «я купилъ въ прокъ», «въ дернь», «въ вѣкъ». Иногда смердъ настолько бѣднѣлъ, что предпочиталъ совсѣмъ не вести собственнаго хозяйства, а работать на дворѣ помѣщика. Положеніе закуповъ было не легкое. Они теряли часть правъ, присущихъ свободному смерду. Ихъ рѣдко допускали къ суду въ качествѣ свидѣтелей. Хозяинъ могъ бить закупа «за дѣло». Если закупу становилось не втерпежъ жить у хозяина, и онъ уходилъ раньше времени, то совсѣмъ терялъ свободу, и хозяинъ дѣлалъ его своимъ холопомъ, рабомъ. Отсюда поговорка: «нанялся-продался».

Крупные землевладѣльцы воздѣлывали при помощи холоповъ и закуповъ землю подъ пашню, разводили огром-

ныя стада рогатаго скота и табуны лошадей. Во главѣ каждаго владѣльческаго хозяйства стояли управляющіе, по большей части тоже холопы, называвшіеся тіунами. Были тіуны конюшенные, т.-е. завѣдывавшіе конскими табунами, были тіуны ролейные, т.-е. завѣдывавшіе пашнями. Закупы, занятые обработкой пашни, тоже назывались ролейными закупами, отъ слова ролья — соха (отсюда «орати» — пахать). Княжескіе табуны доходили до нѣсколькихъ тысячъ головъ, въ ихъ селахъ жили сотни холоповъ, ихъ амбары ломились подъ тяжестью всякаго добра: зерна, муки, воску, меду.

Однако, крупное частновладѣльческое хозяйство встрѣчалось не часто, и число крупныхъ землевладѣльцевъ было не велико. Подавляющее большинство сельскихъ жителей состояло изъ свободныхъ смердовъ, жившихъ своимъ хозяйствомъ, въ которомъ производилось почти все, въ чемъ нуждалась семья смерда. Только въ XI и XII вѣкахъ крупные владѣльцы начинають все болѣе и болѣе тѣснить смердовъ.

Посмотримъ теперь на жизнь городского населенія. Большинство городовъ имѣло видъ большихъ деревень и ихъ жители усердно занимались хлѣбопашествомъ, были такими же пахарями, какъ и смерды. Вѣроятно, на земледѣліе они налегали еще больше, чѣмъ эти послѣдніе. Въ отличіе отъ деревень, города были укрѣплены валомъ и стѣнами. Сюда прятались окрестные жители въ случаѣ опасности. Нѣкоторые изъ городовъ пріобрѣли большое торговое значеніе. Таковы, какъ мы уже знаемъ, были Новгородъ, Кіевъ, Смоленскъ и др. Эти города возникли благодаря торговлѣ, которую вели русскіе съ чужими народами.

Еще въ серединѣ IX вѣка одинъ арабскій писатель сообщалъ, что русскіе купцы возятъ товары изъ отдален-

нѣйшихъ краевъ своей страны къ Черному морю, въ греческіе города, гдѣ византійскій императоръ беретъ десятину съ ихъ товаровъ; что тѣ же купцы спускаются по Волгѣ, доходятъ до столицы хазарской Итиль, властителю которой также платятъ десятину, выходятъ въ Каспійское море, достигая юго-восточныхъ его береговъ и даже провозятъ иногда свои товары въ Багдадъ (арабскій городъ въ М. Азіи) на верблюдахъ. Торговля съ этими странами возникла вѣроятно еще въ VIII столѣтіи, такъ какъ надо было много времени, чтобы при тогдашнемъ бездорожьи, плохомъ знаніи чужихъ странъ и опасностяхъ пути могли наладиться такія далекія торговыя путешествія. Хорошимъ доказательствомъ тому, что уже въ то время велась торговля съ греками и арабами, служатъ находки денежныхъ кладовъ па берегахъ Волхова и Днѣпра. Эти клады состоятъ изъ монетъ арабскихъ и греческихъ, преимущественно VIII, IX и X столѣтія (попадались въ небольшемъ количествѣ даже монеты VII в.). Особеннаго разцвѣта достигла кіевская торговля въ IX и X вѣкѣ. Въ XI и особенно въ XII вѣкѣ она стала клониться къ упадку, вслѣдствіе разрушенія хазарскаго царства и занятія степи кочевниками, сначала печенѣгами, а потомъ половцами.

Рис. 19 и 20. Арабскія монеты, находимыя во многихъ мѣстахъ Россіи.

Русскіе купцы вывозили изъ своей страны мѣха, медъ, воскъ и рабовъ. Отъ грековъ и арабовъ они получали оружіе, металлическія вещи, шелковыя матеріи, вина, плоды, разныя украшенія изъ серебра и глины и, наконецъ, монеты: византійскіе солиды или «золотники», арабскіе диргемы и нѣмецкіе шляги. Какъ добывали мѣха, медъ и пр. простые купцы, мы хорошенько не знаемъ. Но одинъ изъ византійскихъ писателей оставилъ намъ подробное описаніе того, какъ запасались этими товарами князь и его дружина. Съ наступленіемъ осени Кіевскій князь отправляется съ своей дружиной на сборъ дани съ подвластныхъ ему славянскихъ народовъ. Дань уплачивалась не деньгами, которыхъ не водилось, а мѣхами, медомъ и воскомъ. Къ веснѣ сборъ дани кончался, и князь возвращался въ Кіевъ, нагруженный всякимъ добромъ. Къ этому времени на Днѣпрѣ уже стояли оснащенныя и просмоленныя лодки; онѣ нагружались до верху собранной данью и, подъ охраной большого отряда воиновъ, направлялись въ Царьградъ. Съ лодками князя и дружины шли лодки и простыхъ купцовъ.

Путь предстоялъ длинный и небезопасный. На нижнемъ Днѣпрѣ, на порогахъ караваны поджидали кочевники. Уже сами по себѣ днѣпровскіе пороги представляли большія трудности для плаванія. Приходилось вести судна съ величайшей осторожностью и держаться близъ берега. Въ одномъ изъ самыхъ бурныхъ мѣстъ люди вытаскивали лодки на берегъ и тащили ихъ волокомъ, рабовъ вели пѣшкомъ, а впередъ посылали дружину для охраны отъ внезапнаго нападенія. Миновавъ пороги, плыли дальше безпрепятственно до самаго моря. Направляясь дальше, старались держаться вблизи берега. Около устья Дуная караванъ опять поджидали кочевники. Старались не подъѣзжать къ берегу, но расходившіяся

морскія волны прибивали иногда лодки къ берегу, и люди, и товары подвергались большой опасности. Черезъ 40 дней достигали, наконецъ, Царьграда. Здѣсь купцы проводили время до осени и, запасшись всевозможными «грецкими» товарами, къ зимѣ возвращались въ Кіевъ.

Греки иногда притѣсняли русскихъ купцовъ, брали съ нихъ слишкомъ большую пошлину и проч.. Для защиты интересовъ русской торговли князья предпринимали походы на Царьградъ, подвергали греческую землю опустошенію и силой заставляли византійское правительство заключить выгодный для русскихъ торговый договоръ. Въ такомъ договорѣ обѣ стороны давали другъ другу всяческія облегченія во взаимной торговлѣ и обѣщанія не производить насилія надъ купцами. Изъ лѣтописнаго разсказа намъ уже извѣстны походы Олега, Игоря и Святослава на Царьградъ,

Масса русскаго народа не принимала въ этой торговлѣ никакого участія. Ею занимались князья, дружинники и бояре, т. е. незначительное меньшинство народа, его верхи. Да тогда и не было особенной надобности въ торговлѣ, такъ какъ каждая семья въ своемъ собственномъ хозяйствѣ готовила себѣ и пищу, и одежду, и предметы домашней обстановки. Покупалось только то, чего никакъ ужъ нельзя было сдѣлать въ собственномъ хозяйствѣ. Такъ, напр., покупали соль, глиняную посуду, оружіе, предметы роскоши. Однако, чѣмъ больше росли торговые города, напр., Кіевъ, тѣмъ сильнѣе развивалась и мѣстная торговля. Возникали ремесла и ремесленники продавали свои издѣлія на мѣстномъ городскомъ рынкѣ. Въ Кіевѣ цѣлая часть города населена была кузнецами. Новгородъ не могъ прокормить свое населеніе собственнымъ хлѣбомъ и получалъ его изъ приднѣпровскихъ и приволжскихъ мѣстностей. Торговля въ то время называлась

гостьбой, а купецъ гостемъ. Торговый путь носилъ названіе гостинца или гистинеца, а сборные пункты торговцевъ, гдѣ производилась покупка и продажа — погостомъ. Въ такихъ бойкихъ мѣстахъ возникали впослѣдствіи церкви, а рядомъ съ ними кладбища. Остюда-то и идетъ названіе кладбища съ церковью погостомъ.

Гдѣ происходитъ торговля, тамъ всегда водятся деньги. Въ Кіевской Руси сначала своихъ денегъ не было. Употребляли арабскую и византійскую монету: серебряные диргемы и полумилліарезіи. Эта монета вѣсила при-

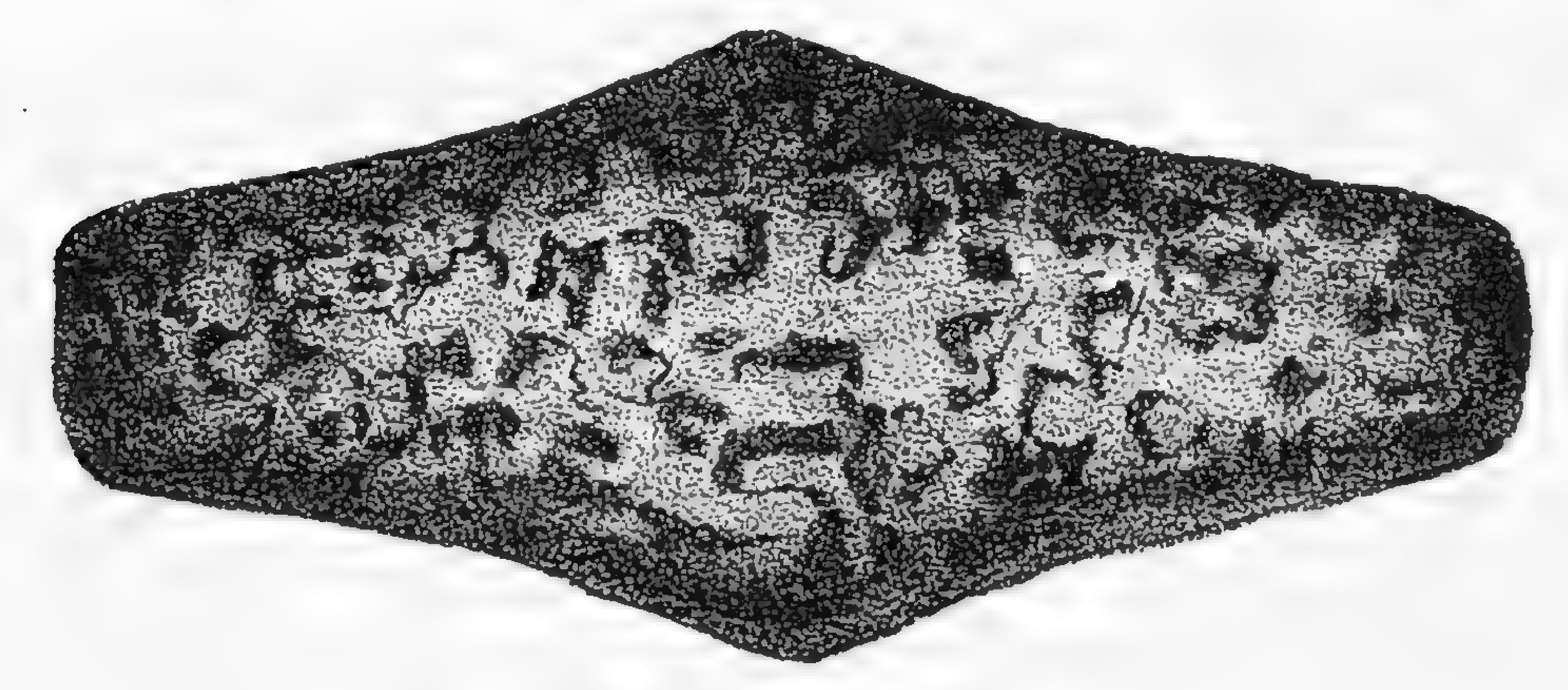

Рис. 21. Кіевская гривна.

близительно 70—80 долей, т.-е. около того, что вѣситъ нашъ двугривенный, но стоила около полутора рублей на наши деньги, такъ какъ серебро въ то время было дороже разъ въ 8, чѣмъ теперь. Болѣе мелкой монеты не было, и чтобы уплатить цѣну меньше диргема, эту монету разрубали на 2, 3, 4 и даже на 20 или 24 части. Такъ получалась мелкая монета. Дергемы и полумилліарезіи носили на Руси названіе кунъ или рѣзанъ. 50 кунъ составляли гривну кунъ; $2^1/_2$ куны равнялись ногатѣ, каждая куна дѣлилась на виверицы, бѣли и вѣкши. Въ X вѣкѣ въ Кіевѣ стали готовить свою монету, извѣстную подъ названіемъ кіев-

ской гривны. По виду это была серебряная, толстая шестиугольная пластинка съ гладкой нижней и шероховатой верхней поверхностью. Въ Смоленскѣ и Новгородѣ появились свои гривны, нѣсколько отличавшіяся отъ кіевской по формѣ и вѣсу. Но счетъ всюду былъ въ общемъ одинаковъ: гривна, куна, ногата, вѣкша и проч. Названіе куны (куница), вѣкши (бѣлка) свидѣтельствуетъ о томъ, что раньше деньгами служили мѣха нѣкоторыхъ звѣрей. Монета не имѣла чекана, а принималась по вѣсу. Это всегда бываетъ тамъ, гдѣ торговля служитъ занятіемъ очень небольшого круга лицъ и не затрагиваетъ жизни народныхъ массъ.

Какъ уже сказано, самымъ большимъ и значительнымъ торговымъ городомъ того времени былъ Кіевъ. Онъ живописно раскинулся на холмистомъ правомъ берегу Днѣпра. Въ XI вѣкѣ Кіевъ раздѣлялся на двѣ главныя части: верхнюю и нижнюю. Нижняя часть города носила (и теперь носитъ) названіе Подола. Самую древнюю часть составлялъ кремль или дѣтинецъ. Здѣсь находился княжескій дворецъ и построенные св. Владиміромъ храмы Десятинный и св. Василія. Къ нему примыкали Софійская и Михайловская части, обстроенныя отчасти св. Владиміромъ, отчасти Ярославомъ. Дѣтинецъ былъ окруженъ стѣной, земляныя стѣны окружали и весь вообще верхній городъ.

Посреди обширнаго княжескаго двора стоялъ княжескій теремъ. Въ древнее время это была просто просторная деревянная двухъэтажная изба. Весь верхній этажъ занимала одна просторная комната. Вдоль ея стѣнъ стояли скамьи, обтянутыя шелковой матеріей и медвѣжьими шкурами. Передъ ними стояли длинные столы, за которыми пировали дружинники съ княземъ. Вверху по стѣнамъ шли полки съ разставленной на нихъ посудой, среди

которой не мало было серебряной и золотой; тутъ же висѣли княжескіе доспѣхи и оружіе. Внизу были покои князя и его приближенныхъ.

До принятія христіанства князья были многоженцами, и ихъ жены жили не здѣсь, а въ пригородныхъ имѣніяхъ. Съ принятіемъ христіанства усилилось вліяніе гре-

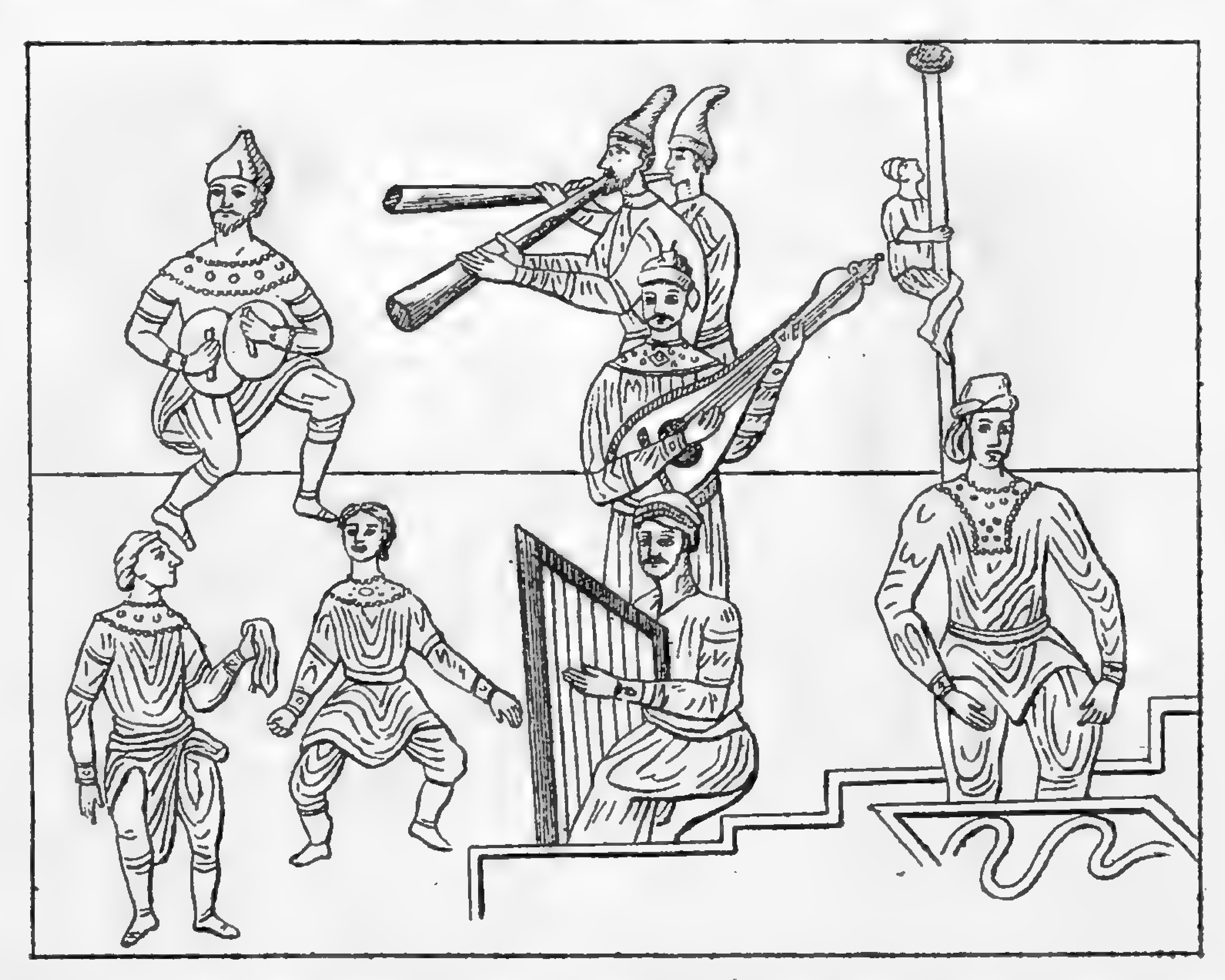

Рис. 22. Шуты, музыканты и плясуны при дворѣ кіевскаго князя. (Стѣнная живопись въ Софійскомъ соборѣ).

ковъ. Княжескій теремъ не разъ перестраивался. Ольга построила себѣ каменныя палаты, а Ярославъ расширилъ ихъ новыми пристройками. Вблизи княжескаго дворца стояли терема дружинниковъ и помѣщенія для княжеской дворни. Князья старались украшать городъ храмами. Еще до нашего времени сохранился почти въ неизмѣнномъ видѣ храмъ св. Софіи. Онъ былъ построенъ Ярославомъ, который вызвалъ для этой цѣли греческихъ мастеровъ.

Храмъ былъ освященъ въ 1037 году. Неподалеку отъ этого храма находились огромныя ворота въ стѣнѣ, окружавшей Софійскую часть, такъ называемыя «Золотыя ворота», развалины которыхъ и посейчасъ еще свидѣтельствуютъ о былыхъ временахъ. Въ Софійской части находились митрополичій дворецъ и торговая площадь.

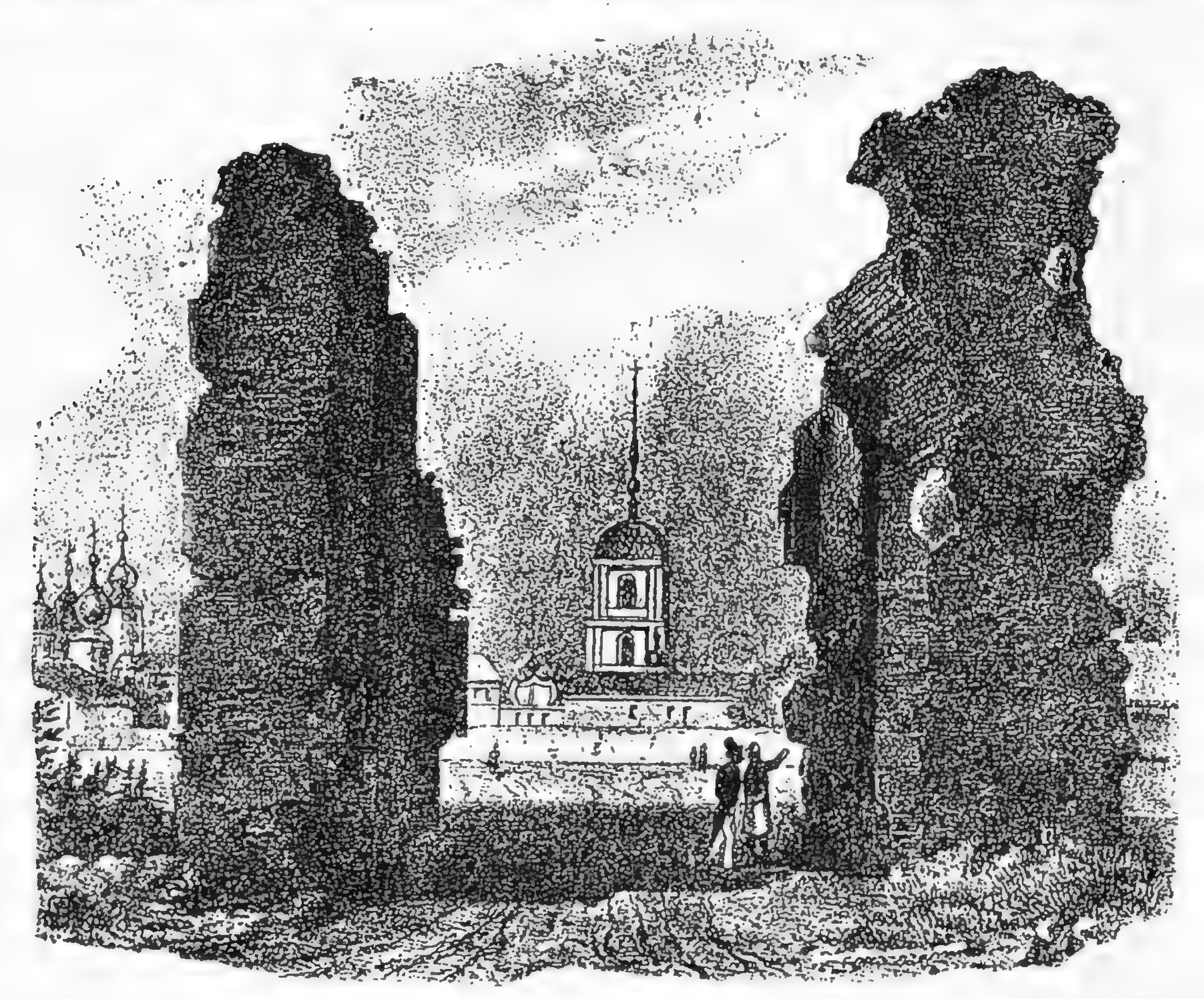

Рис. 23. Остатки „Золотыхъ воротъ" въ Кіевѣ.

Площадь столь обширна, что вмѣщала все взрослое населеніе Кіева, собиравшееся на сходку. Здѣсь почти всегда происходилъ торгъ, какъ русскими, такъ и иноземными товарами. Здѣсь были и новгородцы, и псковичи, и рязанцы, и смольняне; сюда приходили и греки, и булгары, и нѣмцы, и печенѣги, и половцы. Каждый изъ нихъ

предлагалъ товары своей страны: мѣха, кожи, металлическія издѣлія, оружіе, шелковыя ткани, янтарь, посуду, лошадей, скотъ.

Отъ торговой площади шли по всѣмъ направленіямъ улицы. По обѣимъ сторонамъ дороги тянулись длинные заборы, а за ними стояли боярскіе и купеческіе дома, почти сплошь деревянные. Это были терема на подобіе княжескихъ; тутъ же во дворѣ стояли избы для челяди, всякія амбарушки, баня и др. хозяйственныя постройки.

Нижняя часть города, Подолъ, заселялась «чернымъ людомъ», т.-е. ремесленниками, смердами, мелкими торговцами, чернорабочими и пр. людомъ. Грязныя, кривыя улицы, избы, крытыя соломой и мазанки изъ хвороста, обмазанныя глиной и тоже съ соломенной крышей—таковъ былъ внѣшній видъ Подола. Во время разлива Днѣпра вода заливала значительную часть Подола, поэтому, многія строенія стояли на сваяхъ. Здѣсь была пристань и всегда кипѣла бойкая торговая жизнь.

Кругомъ города тянулись земляные валы и стѣны, отчасти деревянныя, отчасти каменныя, а вдоль стѣнъ шли глубокіе рвы. Безъ такихъ укрѣпленій города не могли тогда существовать.

Значительная часть теперешнихъ кіевскихъ улицъ заняты были въ то время лѣсами и оврагами. Такъ, на мѣстѣ теперешняго Крещатика во времена св. Владиміра и Ярослава Мудраго тянулся большой лѣсъ, гдѣ происходили княжескія охоты. Кіевъ былъ красивъ, а каменныя церкви украшали его еще больше. Красота и богатство Кіева славились по всему пространству тогдашней русской земли.

Разсказывая про одного князя, лѣтописецъ говоритъ, что ему не хотѣлось покидать Кіева, «потому что сильно полюбилось ему великое княженіе (княжество) кіевское.

Да и кто не полюбитъ кіевскаго княженія?—восклицаетъ лѣтописецъ.—Вѣдь, здѣсь вся честь, и слава, и величіе, глава всѣмъ землямъ русскимъ Кіевъ; сюда отъ многихъ дальнихъ царствъ стекаются всякіе люди, и купцы, и всякое добро отъ всѣхъ странъ собирается въ немъ».

Но съ нашей, современной точки зрѣнія онъ представлялъ просто огромное село. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, въ немъ жило около 10 тысячъ народу. Столько же было въ другомъ большомъ городѣ Руси, Новгородѣ. Но большинство русскихъ городовъ того времени было гораздо меньше Кіева: 2 тысячи жителей считалось уже много.

IV.

Вѣче и князь.

Когда Святославъ находился въ походѣ на грековъ и дунайскихъ болгаръ, огромныя полчища печенѣговъ осадили Кіевъ. Трудно пришлось кіевлянамъ: воиновъ мало, князь далеко. И только хитростью избавились они отъ разгрома. И какъ только печенѣги отошли отъ Кіева, кіевляне собрались на сходку и рѣшили послать гонцовъ къ Святославу со словами: «ты, князь, ищешь и блюдешь чужую землю, а своей пренебрегаешь, и насъ чуть было не забрали печенѣги, и мать и дѣтей твоихъ; неужели же не жаль тебѣ ни отчизны своей, ни старой матери, ни дѣтей!»—Святославъ возвратился въ Кіевъ и далеко отъ него отогналъ печенѣговъ.

Изъ этого разсказа мы видимъ, что кіевляне имѣли право сбираться на сходку, посылать къ князю пословъ, упрекать его въ нерадѣніи къ отчизнѣ и требовать, чтобы онъ возвратился обратно. Такія сходки назывались встарину вѣчемъ. Вѣче собирались по разнымъ пово-

дамъ и служили средствомъ выраженія народной воли. И эту волю признавали сами князья. Такъ, въ 1212 г. умеръ суздальскій князь Всеволодъ Юрьевичъ. Одинъ изъ сыновей его Ярославъ получилъ сѣверное Переяславское княжество. Ярославъ явился туда, собралъ вѣче и сказалъ; «Братья переяславцы! Вотъ отецъ мой отошелъ къ Богу, а васъ мнѣ отдалъ и меня далъ вамъ въ руки. Скажите же мнѣ, братія, хотите ли имѣть меня у себя княземъ, какъ отца моего имѣли и головы свои за меня сложить?» Вѣче согласилось признать его своимъ княземъ. И Ярославъ сталъ княжить здѣсь не вопреки и не помимо, а по соглашенію, по волѣ народа. Эта воля выражалась на вѣчѣ.

Откуда и какъ появилось вѣче? Оно существовало у славянъ съ самой глубокой древности. Припомнимъ слова греческаго писателя VI вѣка, Прокопія, о славянахъ: «Народъ этотъ не управляется однимъ человѣкомъ, но изстари живетъ въ демократіи (народоправство). Поэтому, обо всемъ, что для нихъ полезно или вредно, они разсуждаютъ сообща». И пока не было среди нихъ значительной разницы между богатыми и бѣдными, на вѣче собирались всѣ взрослые и самостоятельные люди. Мы видѣли, что огромное большинство населенія кіевской Руси состояло изъ смердовъ. Это были свободные и равноправные люди, мало зависимые, особенно въ началѣ, отъ бояръ и князей. Весьма понятно, что смерды придерживались старииннаго обычая собираться и совмѣстно обсуждать и рѣшать наиболѣе важныя дѣла своей страны или округа. Мы уже знаемъ, что съ VIII вѣка въ жизни приднѣпровскихъ славянъ все большее и большее значеніе пріобрѣтаютъ города. А вмѣстѣ съ этимъ выростаетъ и значеніе городского вѣча. Смерды жили разрозненными поселками, между которыми не было на-

стоящихъ дорогъ и которые стояли далеко другъ отъ друга. Не всегда можно было имъ собраться, и даже тогда, когда была надобность, многіе изъ нихъ уклонялись отъ вѣча, задержанные домашними заботами: пашней, охотой, сборомъ меда. За-то городскіе жители устраивали вѣча гораздо чаще и охотнѣе: для нихъ это было гораздо легче. И нерѣдко бывало, что рѣшеніе, принятое городскимъ вѣчемъ, считалось за рѣшеніе всей городской округи или области. На городскомъ вѣчѣ имѣли право присутствовать и окрестные жители и жители дальнихъ мѣстностей городской области.

Кто же собирался на вѣче? Изъ лѣтописныхъ разсказовъ видно, что на нихъ бывали бояре и купцы, попы и простой народъ. Не существовало никакихъ опредѣленныхъ правилъ относительно того, когда, сколько разъ въ мѣсяцъ и въ годъ должно собираться вѣче, какое число присутствующихъ обязательно для постановленія рѣшенія и, что собственно является предметомъ вѣчевыхъ сужденій. Собирались главы семействъ, а выступали съ рѣчами преимущественно наиболѣе уважаемые люди, и къ голосу ихъ вѣче особенно внимательно прислушивалось. Рѣшеніе считалось единогласно принятымъ, хотя бы за него высказалось только большинство. Впрочемъ, не существовало и подсчета голосовъ, и большинство опредѣлялось на глазъ. Рѣшенія выносились только въ томъ случаѣ, если была увѣренность, что за нимъ стоитъ дѣйствительное большинство не только тѣхъ, кто присутствуетъ, но и тѣхъ, кого нѣтъ на вѣчѣ. Свое согласіе или несогласіе съ какимъ нибудь предложеніемъ присутствующіе на вѣчѣ выражали шумнымъ крикомъ.

Права вѣча были велики, хотя и неопредѣленны. Вѣчевыя собранія обсуждали вопросы о призваніи новаго

князя и объ изгнаніи стараго. Такъ, когда въ 1113 г. умеръ великій князь кіевскій Святополкъ, кіевляне рѣшили призвать уважаемаго ими переяславскаго князя Владиміра Мономаха. По старшинству кіевскій престолъ слѣдовало-бы передать князю Олегу Черниговскому, но кіевляне не захотѣли его, и съ ними ничего нельзя было подѣлать. Начиная войну, князь созывалъ вѣче и просилъ у него дать ему воиновъ. Миръ заключался тоже съ согласія вѣча. Иногда князь дѣйствовалъ вопреки волѣ вѣча; тогда вѣче отказывало ему въ помощи: дѣйствуй, молъ, на свой страхъ и на свой счетъ. Князь старался дружить съ вѣчемъ. Не у всякаго князя была большая дружина, да и трудно держаться среди враждебнаго населенія, оно всегда могло призвать себѣ другого князя. Но князья ловкіе и умные, опираясь на свою дружину и поддерживая распри среди населенія города, умѣли править княжествомъ по своему. Если, однако, назначенные имъ судья (тіуны) слишкомъ притѣсняли народъ, то вѣче требовало наказанія этихъ тіуновъ и замѣны ихъ новыми.

Все внутреннее управленіе сосредоточивалось въ рукахъ князя. Онъ прежде всего былъ военачальникомъ, и первѣйшая его обязанность заключалась въ защитѣ области отъ враговъ. И чѣмъ сильнѣе была внѣшняя опасность, тѣмъ нужнѣе казалась княжеская власть, тѣмъ крѣпче сидѣлъ князь на своемъ столѣ. Владиміръ Мономахъ потому и пользовался всеобщимъ уваженіемъ, что умѣло и настойчиво велъ борьбу съ грозными степными кочевниками, половцами и удачно справлялся съ ними.

Внутреннее управленіе было въ то время крайне несложно: князь собиралъ дани и подати и руководилъ судомъ. У него были помощники, съ которыми онъ совѣтывался во всѣхъ дѣлахъ: дружинники и бояре. Перво-

начально князь былъ, какъ мы видѣли, просто вождемъ дружины, которая состояла на службѣ у торговаго города. Поэтому понятно, что князья очень дорожили дружиной и много о ней заботились. Дружина обезпечивала князю власть и почетъ, а онъ давалъ ей славу и богатство. Однажды дружинники Владиміра Святого стали роптать, что за княжескимъ столомъ имъ даютъ деревянныя, а не серебряныя ложки. Владиміръ тотчасъ-же распорядился приготовить для нихъ серебряныя ложки. «Серебромъ и золотомъ я не добуду дружины,—сказалъ онъ,—а съ дружиной я найду и серебро, и золото». При первыхъ русскихъ князьяхъ большинство дружины состояло изъ варяговъ, но постепенно она стала заполняться природными славянами. Всякій смѣлый и сильный человѣкъ могъ поступить въ княжескую дружину. Для этого ничего не требовалось, кромѣ силы, ловкости и смѣлости.

Рис. 24. Русскій дружинникъ XI—XII в.

Княжеская дружина раздѣлялась на старшую и младшую, или, какъ говорили тогда, на большую и меньшую, на мужей и молодь, или отроковъ, дѣтскихъ, гридей. Въ мирное время «отроки» были слугами князя. Во время княжескихъ пировъ они прислуживали за столомъ. Они-же завѣдывали разными отраслями княжескаго хозяйства: конюшней, погребами, опочивальней и проч. И младшіе, и старшіе дружинники жили при дворѣ князя, составляя не только его стражу, но отчасти и дворню. Отсюда и возникло впослѣдствіи званіе дворянина. Дружинники проводили свое время въ

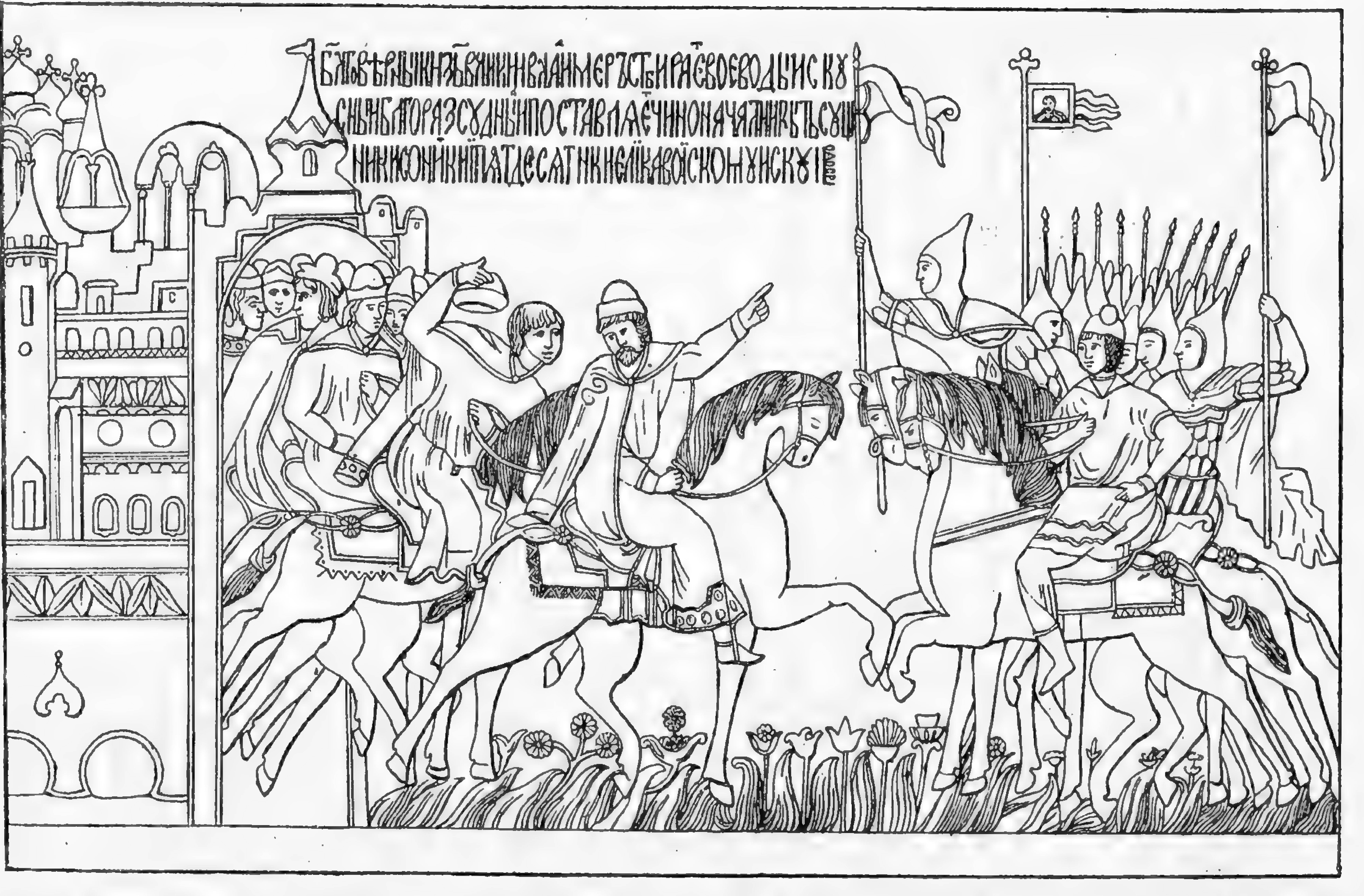

Рис. 25. Великій князь Владиміръ со своей дружиной у воротъ Кіева. (Барельефы древняго царскаго мѣста).

походахъ, пирахъ и—это касается младшей дружины—управленіи княжескимъ дворомъ. Частые походы дали имъ большой навыкъ въ военномъ дѣлѣ, и они составляли отборную часть княжескаго войска (другая его часть состояла изъ простыхъ смердовъ). Князь Курскій Всеволодъ такъ расхваливалъ своихъ дружинниковъ: «Мои куряне извѣстные тебѣ витязи: подъ трубами сповиты, подъ шлемами взлелѣяны, концомъ копья вскормлены, дороги имъ всѣ вѣдомы, овраги имъ знакомы, луки у нихъ натянуты, тулы (колчаны для стрѣлъ) открыты, сабли отточены; сами-жъ они скачутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ, ища себѣ чести, а князю славы» [1]).

Старшіе дружинники и составляли «княжихъ мужей», бояръ, съ которыми князь совѣтывался о дѣлахъ.

Но въ числѣ его совѣтниковъ находились не только дружинники. Когда князья появились въ русской землѣ, они застали уже здѣсь не только простой народъ; во главѣ его, въ торговыхъ городахъ, стояли купцы, бояре. Постоянная опасность, грозившая городамъ, выработала особенное, военное устройство (организацію) городского населенія. Оно раздѣлялось на тысячи, каждая тысяча на сотни, сотня на десятки, и во главѣ этихъ дѣленій стояли тысяцкіе, сотскіе и десятскіе. Ихъ выбирало городское купечество и носили они названіе «старцевъ градскихъ» или «людскихъ». Когда нужно было, князь приглашалъ на совѣтъ и «старцевъ градскихъ», тысяцкихъ, сотскихъ. Многіе изъ нихъ вступили даже въ его дружину. Совѣтники княжескіе, все равно были ли это старшіе дружинники или почетные горожане, назывались «болярами» (отъ слова «болій», бо́льшій, старшій), или

---

[1]) Такъ разсказывается въ древней повѣсти „Слово о полку Игоревѣ“.

боярами, а самый совѣтъ—боярской думой. Безъ совѣта съ думой князь ничего не дѣлалъ. Съ дружиной князь могъ добыть и власть, и богатство. Случалось, что бояре не соглашались съ мнѣніемъ князя, и князь невольно подчинялся ихъ рѣшенію. Однако, въ теченіе X, XI и XII вѣковъ боярская дума не имѣла правильнаго устройства. Князь совѣтывался съ кѣмъ хотѣлъ и призывалъ на совѣтъ столько бояръ, сколько ему казалось нужнымъ. Одного только не могъ дѣлать: распоряжаться вполнѣ по своему усмотрѣнію.

Князь жилъ въ главномъ городѣ своего княжества. Въ другихъ городахъ правили его именемъ посадники. Они собирали подати, наблюдали за порядкомъ, скликали, когда нужно, воинскую силу и творили судъ. У посадника находились въ распоряженіи «отроки», мостники (завѣдывавшіе починкой и постройкой мостовъ), городники (наблюдавшіе за цѣлостью городскихъ стѣнъ) и др. должностныя лица. Всѣ они, начиная съ посадника, не получали отъ князя денежнаго жалованья; взамѣнъ этого они пользовались частью податей и судебныхъ пошлинъ, а также землей. И, разумѣется, посадники частенько злоупотребляли своей властью. Такъ, лѣтописецъ разсказываетъ про посадниковъ въ суздальской землѣ (въ 1176 г.), что они «многую тяготу творили людямъ продажами и вирами», т.-е. денежными штрафами.

Князь не только былъ правителемъ, но и судьей. Владиміръ Мономахъ разсказываетъ въ своемъ «Поученіи», что князь, вставъ раннимъ утромъ и воздавъ хвалу Богу, долженъ либо совѣтываться съ дружиной о разныхъ дѣлахъ, либо судить людей. Судъ происходилъ на княжескомъ дворѣ, и князь разбиралъ не только крупныя, но и самыя мелкія дѣла. Но такъ какъ самъ князь

не всегда могъ лично заниматься разборомъ многочисленныхъ тяжбъ и жалобъ, то судомъ вѣдалъ за него княжескій тіунъ. Въ другихъ городахъ судили посадники, которому помогали его помощники, носившіе названіе мытниковъ, мечниковъ, ябедниковъ и др. Жалованія всѣ эти лица не получали, а брали въ свою пользу часть судебныхъ штрафовъ (виры и продажи), поступавшихъ въ княжескую казну.

Судъ происходилъ самымъ простымъ способомъ. Допустимъ, что у смерда украли лошадь. Въ наши дни объ этомъ заявляютъ въ полицію, и полиція обязана предпринять поиски. Въ то время пострадавшій отправлялся на базарную площадь своего города и громко заявлялъ, что вотъ, молъ, у него пропала лошадь. Полагалось, что на слѣдъ вора можно напасть въ теченіе первыхъ трехъ дней, время достаточное, чтобы весь городъ узналъ о кражѣ. Если лошадь находили у какого-нибудь человѣка по истеченіи трехъ дней, тогда этотъ человѣкъ считался воромъ, его заставляли возвратить лошадь и уплатить штрафъ въ княжескую казну. Бывало, однако, что лошадь находили раньше этого срока, а человѣкъ, у кого ее нашли, заявлялъ, что онъ купилъ ее у другого лица. Тогда хозяинъ лошади и отвѣтчики направлялись къ тому, у кого лошадь была куплена. Если и этотъ отрицалъ кражу, то всѣ они втроемъ шли къ тому, кто продалъ лошадь второму отвѣтчику. Такіе розыски украденной вещи носили названіе «свода». По большей части истецъ, т.-е. хозяинъ лошади, не шелъ дальше третьяго «свода», а взималъ съ третьяго отвѣтчика денежную стоимость лошади и возвращался домой. А третій отвѣтчикъ уже самъ продолжалъ дальнѣйшіе поиски. И такимъ-же образомъ искали и другія украденныя вещи.

Вознагражденіе съ отвѣтчика взималось не самовольно,

а по постановленію суда. На отвѣтчикѣ лежала обязанность доказать, что онъ купилъ, а не укралъ вещь. Если онъ представлялъ двухъ свидѣтелей, присутствовавшихъ при покупкѣ, его оправдывали. Вообще показаніямъ опредѣленнаго числа свидѣтелей придавали тогда огромное значеніе. Напримѣръ, кто-нибудь подозрѣвался въ совершеніи преступленія. Чтобы оправдаться, онъ долженъ былъ представить непремѣнно семь свидѣтелей, и если свидѣтели были лица незапятнанной чести, то ихъ заявленія о невиновности подсудимаго было достаточно, чтобы этотъ послѣдній освобождался отъ суда. Если же достаточнаго числа свидѣтелей не находилось, тогда прибѣгали къ Божьему суду. Обвиняемый бралъ въ руку раскаленный кусокъ желѣза и опускалъ ее въ горячую воду. Если у него по истеченіи опредѣленнаго времени ожоги пропадали, то онъ считался оправданнымъ; «самъ Богъ доказалъ его невинность»,—говорили тогда. Иногда для рѣшенія вопроса о томъ, кто правъ: истецъ или отвѣтчикъ, устраивали между ними поединокъ. Сражались либо мечами (бояре и дружинники), либо дубинами (простой народъ). Побѣдитель считался правымъ, побѣжденный виноватымъ.

Каковы же были наказанія, которымъ подвергались виноватые въ какомъ либо преступленіи? Ихъ было три рода: месть, денежный штрафъ и «потокъ и разграбленіе».

Месть существовала съ древнѣйшихъ временъ и была отмѣнена въ половинѣ XI вѣка сыновьями Ярослава. При князьяхъ она производилась по постановленію суда, а не по произволу пострадавшаго или его родственниковъ. Месть состояла въ томъ, что виновникъ подвергался той же участи, что и пострадавшій. Его убивали, если онъ самъ убилъ; его увѣчили, если онъ самъ увѣчилъ. Но часто месть замѣнялась денежнымъ вознагражденіемъ пострадавшему или его родственникамъ.

Послѣ отмѣны мести стали примѣнять къ большинству преступленій денежный штрафъ Преступникъ платилъ и князю, и тому, кого онъ обидѣлъ. За убійство платилась **вира**, за прочія преступленія—**продажа**. И то и другое шло въ княжескую казну. Денежный штрафъ въ пользу пострадавшихъ носилъ названіе **головничества** (за убійство и увѣчье) и **урока** (при проч. преступленіяхъ). Жизнь людей разнаго званія цѣнилась не одинаково. За убійство всякаго свободнаго платилась вира въ 40 гривенъ, а за убійство княжаго мужа—80 гривенъ. За убійство холопа платилась не вира, а продажа въ 12 гривенъ, такъ какъ холопъ считался вещью.

Если находили трупъ убитаго, но не могли найти преступника, то уплачивала виру та община (вервь), на землѣ которой обнаружили такую находку. Это такъ называемая «дикая» вира. Уплата ея разсрачивалась на нѣсколько лѣтъ.

За побои, за мелкія увѣчья (отсѣченіе пальца), за кражи и проч. платили продажу въ пользу князя и урокъ въ пользу пострадавшаго.

Самому тяжелому наказанію подвергался тотъ, кто совершилъ убійство, поджогъ и конокрадство умышленно, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, какъ говорятъ теперь. Имущество виновнаго отбиралось въ княжескую казну, а самъ онъ лишался всѣхъ правъ, либо изгонялся изъ области, либо заключался въ тюрьму, либо продавался въ рабство. Наказаніе это носило названіе: «потокъ и разграбленіе».

До введенія христіанства смертная казнь примѣнялась въ очень рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Но съ водвореніемъ на Руси нѣкоторыхъ византійскихъ [1]) взгля-

---

[1]) Т. е. изъ Византіи, изъ Греціи, откуда явилось христіанство.

довъ на преступленіе и наказаніе, членовредительство по суду и смертная казнь стали все чаще завершать собою систему (т. е. установленный рядъ, порядокъ) наказаній.

Въ XI вѣкѣ тѣ правила, на основаніи которыхъ разбирали и судили проступки и преступленія, были записаны, а раньше судили по обычаю, на основаніи изустныхъ правилъ. Эта запись извѣстна подъ названіемъ «Русской Правды».

V.

Княжеская крамола и борьба со степными кочевниками.

Во главѣ тогдашней Руси стоялъ Кіевъ. Это былъ самый большой, самый торговый и самый богатый городъ Руси. Здѣсь находился великій князь и его дружина. Другіе князья занимали меньшіе города и должны были слушаться и почитать великаго князя, какъ своего отца. Всѣ князья были родственниками и составляли одну большую семью. Они старались раздѣлить между собою Русь «по правдѣ», такъ, чтобы никому не было обидно. Умираетъ великій князь кіевскій. Кто наслѣдуетъ ему? Разумѣется старшій въ семьѣ. Семья не знаетъ иной справедливости, кромѣ права старшинства. И члены семьи сознаютъ это и добровольно уступаютъ кіевскій престолъ старшему ея члену. Послѣ смерти Владиміра Святого дружина предлагала Борису, князю ростовскому, отнять великокняжескій столъ у Святополка, но онъ отказался, заявивъ: «Не могу я поднять рукъ на старшаго моего брата; хоть и умеръ у меня отецъ, но онъ будетъ у меня вмѣсто отца». При первыхъ князьяхъ русскихъ дѣло складывалось такъ, что по смерти великаго князя старшимъ въ княжеской семьѣ оказывался старшій его сынъ. Къ

нему и переходилъ столъ отца. Но съ теченіемъ времени число князей становилось больше, и нерѣдко случалось, что великокняжескій столъ переходилъ по праву старшинства къ брату покойнаго князя, а не къ его сыну. Послѣ смерти своего отца Всеволода у Владиміра Мономаха явилось желаніе стать великимъ княземъ, но онъ отогналъ отъ себя эту мысль. «Если я сяду на столѣ своего отца,—сказалъ онъ,—то мнѣ придется выдержать борьбу съ Святополкомъ, потому что его отецъ раньше моего отца занималъ великокняжескій столъ». Итакъ, самая лучшая и богатая область русской земли составляла великокняжеское владѣніе. Но она была не только самой богатой, но и самой угрожаемой со стороны степныхъ кочевниковъ. Великій князь не только пользовался бо̀льшими доходами, но и стоялъ во главѣ защиты русской земли отъ степныхъ народовъ. Если бы кочевники овладѣли Кіевомъ, это было бы большимъ несчастьемъ и для другихъ областей, особенно приднѣпровскихъ. Тогда наступилъ бы конецъ торговлѣ съ греками, которая обогащала приднѣпровскіе города и области. Князья и народъ понимали это и смотрѣли на кіевскаго князя не только, какъ на самаго богатаго, но и какъ на защитника всей русской земли.

Богатство и почетъ, окружавшія великаго князя, дѣлали кіевскій столъ весьма заманчивымъ для князей, и не одинъ изъ черниговскихъ, смоленскихъ и другихъ князей мечтали о томъ, какъ хорошо было бы овладѣть Кіевомъ. Но пока родственныя связи были крѣпки и княжеская семья не велика, такія мечты были неосуществимы. Однако, княжеская семья разросталась чрезвычайно быстро, и наступили такія времена, когда стало довольно трудно разобрать, кто старше и какъ считать,—по лѣтамъ, или по отношеніямъ родства. Въ старыя

времена женились рано, умирали поздно, обзаводились большими семействами. Нерѣдко дядя былъ лѣтъ на двадцать моложе племянника. Такъ у Владиміра Мономаха было восемь сыновей. Пятый изъ нихъ, Вячеславъ, разъ сказалъ шестому, Юрію Долгорукому: «я уже былъ бородатъ, когда ты родился». Понятно, что старшій сынъ Вячеслава могъ быть старше своего дяди Юрія. Спрашивается, кого же считать старшимъ: бородатаго племянника или юнаго дядю? А между тѣмъ порядокъ въ наслѣдованіи по старшинству только и могъ держаться, пока отношенія старшинства были ясны и безспорны. Когда послѣ смерти великаго князя, Кіевъ переходилъ къ старшему въ родѣ — къ сыну его или брату, — то сейчасъ же происходило передвиженіе всѣхъ другихъ князей. Были области болѣе и менѣе богатыя, и распредѣлялись онѣ тоже по старшинству, причемъ каждый князь могъ надѣяться со временемъ занять другую область, болѣе богатую и лучшую и ждалъ своей очереди. Изъ этой очереди исключались князья-изгои. Это князья, которые лишились отца еще въ дѣтствѣ и потому теряли право наслѣдовать его область: ближайшіе взрослые родственники покойнаго князя имѣли больше правъ и преимуществъ передъ ними. И когда они выростали, имъ давали окраинныя волости, плохо населенныя и мало-привлекательныя для князей. Волости (области) эти становились какъ бы вотчиной князей-изгоевъ. Княжество Галицкое и Полоцкое были владѣніями такихъ князей-изгоевъ. За этимъ исключеніемъ очередной порядокъ царилъ повсемѣстно.

Но именно вслѣдствіе все болѣе и болѣе запутывавшихся отношеній старшинства этотъ очередной порядокъ часто и грубо нарушался. Все больше и больше появлялось князей, считавшихъ себя обиженными своимъ надѣломъ. Они считали правильнымъ силой

добывать себѣ другую область. Происходили споры о старшинствѣ и часто кончались взаимной потасовкой. Наконецъ, были и такіе князья, которые вовсе не считали нужнымъ считаться съ порядкомъ старшинства. Такъ, одинъ изъ князей, который долго боролся за кіевскій престолъ, желая его занять, однажды сказалъ: «не мѣсто идетъ къ головѣ, а голова къ мѣсту». По всѣмъ этимъ причинамъ между князьями всегда происходила вражда, и войска одного князя опустошали владѣнія другого. Княжеская усобица носила тогда названіе крамолы и тяжко отзывалась на русской землѣ. Князья сознавали это и иногда собирались на съѣзды, чтобы сговориться какъ-нибудь и устранить причину раздора. Такъ, послѣ ожесточенной усобицы, затѣянной черниговскимъ княземъ Олегомъ, въ которой принимали участіе великій князь Святополкъ и Владиміръ Мономахъ съ сыновьями, князья устроили въ городѣ Любичѣ съѣздъ въ 1097 году. Они стали говорить другъ другу: «Зачѣмъ мы губимъ русскую землю, затѣвая усобицы? А половцы опустошаютъ нашу страну и рады тому, что мы воюемъ другъ съ другомъ. Будемъ же отнынѣ жить въ согласіи и будемъ блюсти русскую землю». Уладивъ споры между черниговскимъ и кіевскимъ князьями, съѣздъ кончился взаимнымъ цѣлованіемъ креста, что означало клятву. Дали обѣщаніе не ссориться и не воевать другъ съ другомъ. Но вскорѣ усобица возгорѣлась по другому поводу. Князь Давидъ Игоревичъ волынскій задумалъ овладѣть галицкимъ княжествомъ, гдѣ правилъ Василько Ростиславичъ. Сговорившись съ кіевскимъ княземъ Святополкомъ, Давидъ обманомъ захватилъ Василько и ослѣпилъ его. За Василько заступился братъ его, Володарь, и началъ борьбу съ Давидомъ. Въ борьбу вмѣшались Святополкъ и Владиміръ Мономахъ. Давидъ бѣжалъ въ Польшу, а Свято-

III. Карта княжествъ древней Руси до XIII вѣка.

полкъ овладѣлъ и Волынью и Галиціей. Тогда Давидъ явился изъ Польши и соединился съ Василько для совмѣстной борьбы съ Святополкомъ. Они наняли половцевъ, а Святополкъ пригласилъ на помощь венгровъ, и полчища дикихъ кочевниковъ опустошали русскую землю. Давидъ былъ въ концѣ концовъ побѣжденъ и опять бѣжалъ въ Польшу. Но, чтобы предупредить новыя распри, князья въ 1100 году устроили новый съѣздъ неподалеку отъ Кіева. Тутъ опять произошло распредѣленіе княжескихъ областей, причемъ руководствовались не только соображеніями старшинства, но и силы князя. Такъ Василько, и безъ того обиженный, былъ совсѣмъ лишенъ стола и отдали его на попеченіе его брату. Князьямъ приходилось принимать въ разсчетъ и желаніе вѣча. Опасно было назначать князя туда, гдѣ его не желало вѣче.

Эти постоянные раздоры, въ которыхъ князья не столько заботились о пользѣ народной, сколько о своихъ выгодахъ, страшно ослабляли русскую землю въ ея борьбѣ съ кочевниками. А опасность со степи грозила постоянно и съ годами все увеличивалась. Изъ-за р. Урала въ южно-русскія степи съ древнѣйшихъ временъ приходили толпы кочевыхъ народовъ и селились здѣсь на привольѣ. Въ серединѣ X вѣка къ берегамъ Днѣпра пришли печенѣги и въ отсутствіи Святослава осадили Кіевъ. Мы знаемъ уже, что этотъ князь прогналъ ихъ далеко въ степи, но и самъ послѣ погибъ отъ ихъ руки на днѣпровскихъ порогахъ. Окола ста лѣтъ безпокоили печенѣги Кіевское и Переяславское княжества, расположенныя ближе другихъ къ степи. Много деревень разорили они, увели не мало скота и народа съ собой. Но все-таки борьба съ ними велась успѣшно. Владиміръ Святой понаставилъ по южной границѣ Кіевской области много острожковъ, то-есть небольшихъ укрѣпленій, гдѣ стояли

отряды воиновъ. Укрѣпленія состояли изъ землянаго вала и рва, наполненнаго водой. Иногда по верху вала шелъ еще крѣпкій частоколъ. Не довольствуясь этими острожками, Владиміръ насыпалъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лежалъ особенно удобный путь изъ степи, длинные многоверстные валы, со рвами вдоль ихъ. Эти, такъ называемые, «зміевы» валы сохранились отчасти и до нынѣшняго времени. Острожки и валы затрудняли передвиженія печенѣговъ, но остановить совсѣмъ ихъ не могли. Усобицы князей сводили на нѣтъ всѣ эти укрѣпленія, такъ какъ, воюя другъ съ другомъ, они нерѣдко приглашали на помощь кочевниковъ.

Къ востоку отъ печенѣговъ за Дономъ жили торки. Еще дальше къ востоку въ первой половинѣ XI вѣка появились половцы, которые стали тѣснить торковъ, а торки насѣли на печенѣговъ. Ослабленные внутренними распрями и пораженіями со стороны русскихъ князей, печенѣги ушли за Дунай и стали подданными византійскаго императора. Торки тоже скоро ушли туда же, а южно-русскими степями овладѣли половцы.

Для русскихъ они стали страшнѣе печенѣговъ. Ихъ было больше, да и сами они отличались необычайной удалью и ловкостью. Одинъ византійскій писатель называлъ половцевъ крылатой стаей, налетающей на землю и опустошающей ее чище саранчи. Другой писатель такъ говорилъ о половцахъ: «въ одинъ мигъ половчинъ близокъ—и вотъ его уже нѣтъ; сдѣлалъ наѣздъ и стремглавъ, съ полными руками, хватается за поводья, понукаетъ коня ногами и бичемъ и вихремъ несется далѣе, какъ бы желая перегнать быструю птицу. Его еще не успѣли увидѣть, а онъ уже скрылся изъ глазъ». Появляясь въ русской землѣ, половцы производили страшныя опустошенія. Они приходили всегда какъ-то сразу, не-

жданно-негаданно и заставали населеніе врасплохъ. Владиміръ Мономахъ на одномъ княжескомъ съѣздѣ (въ 1103 г.) говорилъ: «начнетъ мужикъ пахать, вдругъ пріѣдетъ половчинъ, убьетъ его стрѣлой и завладѣетъ его лошадью, а потомъ поѣдетъ въ село, захватитъ въ плѣнъ жену его и дѣтей и увезетъ все его имущество». Села и города половцы жгли, младенцевъ и стариковъ избивали, а остальныхъ людей со скотомъ и имуществомъ уводили въ плѣнъ. Сотни и тысячи народу русскаго попало въ плѣнъ къ кочевникамъ. Своихъ плѣнниковъ половцы гнали, какъ скотъ и понукали ихъ ударами плети. «Печальные, измученные,—говоритъ лѣтописецъ,—почернѣвшіе отъ пыли, съ лицами, поблѣднѣвшими отъ холода, жажды и разныхъ невзгодъ, шли они по незнакомымъ мѣстамъ босые и едва прикрытые лохмотьями, причемъ ноги ихъ были исколоты терновникомъ. Со слезами говорили они другъ другу: «Я изъ такого-то города», а другой: «я изъ такого-то села». Такъ они со слезами распрашивали одинъ другого, вздыхали и возводили очи на небо къ Всевышнему, знающему все тайное». Уцѣлѣвшіе отъ дорожныхъ мукъ продавались въ рабство. Половцы посылали плѣнниковъ въ греческіе города Крыма — Херсонесъ и Судакъ, гдѣ были обширные невольничьи рынки. Здѣсь ихъ пріобрѣтали скупщики и разсылали по разнымъ странамъ за море.

Почти каждый годъ опустошали половцы русскую землю. Особенно сильно доставалось отъ нихъ кіевской и переяславской землѣ, больше всего этой послѣдней, благодаря ея близости къ степямъ. Неспокойно жилось здѣсь народу, и чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все сильнѣе безлюдѣла эта страна: народъ покидалъ свои села и нивы и уходилъ дальше къ сѣверу, гдѣ было безопаснѣе и гдѣ кочевники почти не появлялись.

Князья вели упорную борьбу съ половцами. Подобно Владиміру Святому они строили по южной границѣ острожки и валы и ставили тамъ воинскіе отряды. Собравшись вмѣстѣ во главѣ съ кіевскимъ княземъ, нѣсколько княжескихъ дружинъ дѣлали не разъ походы и внутрь половецкихъ владѣній. Предпринимали такіе походы и отдѣльные князья на свой страхъ. Особенно много пришлось воевать съ половцами Владиміру Мономаху, который какъ разъ княжилъ въ переяславской землѣ. Не всегда княжескіе походы были удачны. Писатель того времени такъ описываетъ битву русскихъ съ половцами: «Съ утра до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гремятъ сабли о шлемы, трещатъ копья булатныя, въ полѣ незнаемомъ, среди земли половецкой. Черна земля подъ копытами, костями была засѣяна, а полита кровью, взошла же печалью по русской землѣ». Но когда походы кончались успѣхомъ, князья возвращались обратно, нагруженные богатой добычей, захвативъ лошадей, верблюдовъ, овецъ и много разнаго имущества. Кіевскіе князья воспользовались даже услугами печенѣговъ и торковъ. Часть ихъ, не ушедшая за Дунай, поступила на службу къ кіевскому князю. Имъ отвели обширныя мѣстности по рѣкѣ Роси (одинъ изъ притоковъ Днѣпра), въ такъ называемомъ Поросьѣ; здѣсь они вели прежній кочевой образъ жизни, но обязывались защищать страну отъ половцевъ. И они стойко выполняли свое слово и храбро отражали половецкіе набѣги.

Дружная борьба князей съ половцами могла бы сдѣлать этихъ кочевниковъ хотя и непріятными, но неопасными сосѣдями русскихъ. Къ несчастью, какъ разъ согласія-то между ними и не было, и въ своей взаимной борьбѣ они не разъ призывали другъ противъ друга

половецкія полчища. И тотъ же писатель съ тоскою говорилъ: «Въ княжескихъ крамолахъ вѣкъ людей коротался. Тогда по русской землѣ рѣдко покрикивали пахари, за то часто кричали вòроны, дѣля между собою трупы, и поднимали свой гомонъ галки, собираясь летѣть на покормку... Усобицы князей на руку поганымъ. Говорили братъ брату: это мое и то мое-же. Стали князья про малое говорить: это великое, и стали на себя крамолу ковать. А поганые набѣгали со всѣхъ сторонъ съ побѣдами на русскую землю... Черезъ свары князей пришло насилье и отъ земли половецкой».

Половцы воевали съ Русью въ теченіе цѣлыхъ полтораста лѣтъ, и только татары, нагрянувъ изъ Азіи въ южно-русскія степи, избавили отъ нихъ Русь, но за то стали для нея еще страшнѣе, еще опаснѣе половцевъ. Это случилось въ первой половинѣ XIII вѣка.

VI.

Церковь въ древней Руси.

До временъ Владиміра Святого, т. е. до конца X и начала XI вѣка, огромное большинство русскихъ людей исповѣдывали языческую вѣру. Но уже рано стало проникать на Русь христіанство. Легче всего могло оно проникнуть къ намъ изъ Греціи: какъ мы знаемъ, русскіе вели оживленную торговлю съ Царьградомъ. Предполагаютъ, что уже Аскольдъ и Диръ, совершивъ походъ на Константинополь [1]), приняли тамъ крещеніе. При Игорѣ въ Кіевѣ стояла на Подолѣ деревянная церковь св. Иліи:

[1]) Греція называлась также Византіей, а Константинополь—Царьградомъ; впрочемъ, древнѣйшее названіе этого города тоже было Византія.

слѣдовательно, тамъ было уже много христіанъ. Крестилась сама княгиня Ольга. Среди княжеской дружины, купцовъ и простого народа съ каждымъ годомъ росло число людей, порвавшихъ съ язычествомъ.

Спрашивается, почему наши предки стали предпочитать христіанскую вѣру своей старой, языческой вѣрѣ? Вѣра славянъ сводилась къ поклоненію природѣ и душамъ умершихъ. Ни молитвъ, ни церковнаго богослуженія они не знали. Не было у нихъ и священниковъ. Къ вѣрѣ чужихъ народовъ они относились безъ всякой вражды. Боговъ много, — думали они, — каждый народъ молится своимъ богамъ, и боги помогаютъ тѣмъ, кто имъ молится. И чѣмъ богаче и сильнѣе народъ, тѣмъ сильнѣе и могущественнѣе, по ихъ мнѣнію, боги этого народа. Греческое государство было богатое и могущественное, греки имѣли прекрасные каменные дома, много золота и всякихъ драгоцѣнностей, много странъ и народовъ признавало власть греческаго императора. Не оттого ли все это,—думали славяне,—что греки имѣютъ сильныхъ покровителей на небѣ? Не даромъ строятъ они такіе роскошные храмы и совершаютъ такія торжественныя службы! Чѣмъ чаще приходилось бывать нашимъ предкамъ въ Царьградѣ, тѣмъ ближе знакомились они съ богатствомъ и блескомъ греческой жизни, тѣмъ чаще должны были приходить имъ такія мысли. И греческій Богъ сталъ казаться имъ неизмѣримо могущественнѣе боговъ языческихъ. Въ то же самое время, сопоставляя вѣрованія грековъ и свои вѣрованія, русскіе не могли не видѣть, что первыя богаче мыслями, разнообразнѣе и больше требуютъ отъ человѣка. Языческая, первобытная вѣра была слишкомъ проста и бѣдна и требовала она отъ человѣка не многаго,— только жертвы богамъ. Христіанская вѣра учила, какъ жить, что дѣлать, давала опредѣленный отвѣтъ на во-

*

просы о добрѣ и злѣ, земной и загробной жизни. Итакъ, съ какой стороны не подходили русскіе къ греческой вѣрѣ, они ясно чувствовали ея превосходство надъ старой, языческой вѣрой своего народа. А такъ какъ собственныхъ священниковъ у нихъ не было, то некому было и защищать всѣми силами старую вѣру, и она постепенно вытѣснялась новой.

По лѣтописнымъ разсказамъ крещеніе Руси совершилось при Владимірѣ Святомъ въ 988 году. Но уже и до него, какъ мы видѣли, въ Кіевѣ было много христіанъ. Какъ совершилось крещеніе Владиміра, въ точности неизвѣстно. Съ дѣтства окруженъ былъ онъ христіанами, такъ какъ воспитывался бабкой своей княгиней Ольгой. Изъ пяти его женъ, четыре были христіанками. Да и въ дружинѣ его не мало было христіанъ. Чего же мудренаго, что въ концѣ концовъ онъ и самъ принялъ христіанство [1])! Будучи человѣкомъ рѣшительнымъ, Владиміръ, ставъ христіаниномъ, и народъ заставилъ принять новую вѣру. Кіевляне приняли христіанство легко, безъ сопротивленія: одни по склонности, другіе изъ боязни передъ княземъ, третьи по равнодушію къ тому, чему вѣрить и кому молиться.

Итакъ, христіанство появилось сначала въ кіевской землѣ, а отсюда оно постепенно разошлось по всей Руси. Язычники не оказывали сильнаго сопротивленія новой вѣрѣ, и только въ Новгородѣ народъ, руководимый волхвами, съ непріязнью встрѣтилъ княжескій приказъ креститься. Тогда тысяцкій Путята и дядя Владиміра, Добрыня, пустили въ ходъ оружіе; поэтому поводу сложилась даже пословица: «Путята крестилъ мечемъ, а Доб-

---

[1]) Православная церковь причислила Владиміра къ лику Святыхъ и называетъ его Владиміромъ Равноапостольнымъ.

рыня огнемъ». И все таки язычество продержалось въ Новгородской землѣ до XII вѣка. И вообще только въ этомъ столѣтіи закончилось крещеніе славянскихъ народовъ Руси.

Одновременно съ появленіемъ христіанства возникла на Руси и церковная власть, въ лицѣ высшаго и низшаго духовенства. Первыми духовными лицами у насъ были греки: кто же изъ русскихъ могъ стать епископомъ или священникомъ! Такъ какъ на первыхъ порахъ христіанство распространяли на Руси греки, то русская церковь подчинилась греческой: греческій патріархъ, жившій въ Константинополѣ, сдѣлался главой русской церкви. Онъ назначалъ митрополита, который жилъ сначала въ Переяславлѣ, а затѣмъ перебрался въ Кіевъ. Митрополитъ назначалъ епископовъ, а епископы священниковъ. Впрочемъ, епископы нерѣдко назначались князьями и даже выбирались вѣчемъ, и митрополитъ только утверждалъ ихъ. Наиболѣе важныя церковныя дѣла митрополитъ рѣшалъ при содѣйствіи собора (собранія) епископовъ. Судъ надъ виновными епископами вѣдалъ тоже соборъ. Какъ уже сказано, первыми митрополитами и епископами были греки. Но съ теченіемъ времени среди высшаго духовенства все больше и больше появлялось русскихъ людей, получившихъ образованіе въ Греціи или въ монастыряхъ. Что же касается сельскихъ священниковъ, то среди нихъ не мало было людей полуграмотныхъ, еле умѣвшихъ читать и совсѣмъ не умѣвшихъ писать. Да и положеніе ихъ было незавидное: зависимость отъ князя, епископа, посадника и всякаго богача, и притомъ очень скромные доходы. Таково было устройство церкви.

Тогдашняя церковь вѣдала не только чисто церковныя дѣла. Она считалась покровительницей убогихъ,

больныхъ, обиженныхъ, защитницей слабыхъ. Епископы раздавали щедрую милостыню и разбирали жалобы на разныя притѣсненія и обиды. Вообще въ рукахъ епископовъ сосредоточилось много судебныхъ дѣлъ. Во времена язычества двоеженство и многоженство не считались преступленіями; не преступленіемъ были и браки между близкими родственниками, волшебство и колдовство, внѣбрачныя сношенія, поклоненіе «лѣсамъ, болотамъ и рѣкамъ» и многое другое, что лежало въ обычаяхъ славянъ. Но съ христіанской точки зрѣнія все это считалось недопустимымъ. Разумѣется, и разсмотрѣніе такихъ преступленій составило обязанность духовной власти. Кромѣ того, князья дали епископамъ право судить проступки дѣтей противъ родителей и родителей противъ дѣтей, ссоры женщинъ другъ съ другомъ; лица, получившія чудесное исцѣленіе (прощеники), тоже шли со всѣми своими обидами къ епископу, а не къ князю. Всѣ духовныя лица, ихъ родственники, вдовы-попадьи, поповичи и поповны, просвирни, дьячки, звонари и проч. прикосновенный къ церкви людъ тоже подлежали суду епископа. Итакъ, мы видимъ, что много народу обязано было идти съ своими жалобами, искать правды и защиты у епископа. И дѣйствительно, епископскій дворъ, подобно княжескому, былъ судебнымъ мѣстомъ, гдѣ всегда толкался народъ.

На какія же средства жило духовенство? Каждый епископъ получалъ отъ князя много земли и холопьихъ селъ. Кромѣ того, начиная съ Владиміра Святого, епископы получали десятину (десятую часть) отъ всѣхъ княжескихъ доходовъ: даней, виръ, продажъ и оброковъ. Впрочемъ, впослѣдствіе, съ половины XII в., они получали десятину только съ даней. Затѣмъ епископы имѣли доходъ со священниковъ, которые платили за свое посвященіе,

и съ населенія, въ видѣ пошлинъ на судебныя дѣла. Сельскіе и городскіе священники получали за требы, но такъ какъ вначалѣ населеніе не часто обращалось къ священникамъ, то князья помогали и имъ изъ своихъ доходовъ.

Особое положеніе въ церковномъ устройствѣ занимали монастыри. Первые монастыри возникали случайно и имѣли совершенно не тотъ видъ, къ которому привыкли мы. Съ появленіемъ христіанства появились на Руси и отшельники, люди, желавшіе уйти отъ грѣховнаго міра и вдали отъ него спасать свою душу. Многіе изъ такихъ отшельниковъ строили свою келью около какой-нибудь церкви. Со временемъ такихъ келій появлялось нѣсколько, такъ выросталъ вокругъ церкви цѣлый поселокъ, вольный монастырь. Но монахи жили здѣсь не вѣчно. Въ одинъ прекрасный день часть ихъ, а то и всѣ, снимались съ мѣста и уходили куда-нибудь въ другой городъ, къ другой церкви. Были монастыри и иного рода. Князь или бояринъ въ заботахъ о спасеніи своей души самъ на свои средства строилъ обитель и населялъ ее монахами. Въ распоряженіи такого монастыря было много земли, селъ и даже городовъ. Первѣйшая обязанность монаховъ заключалась въ молитвѣ за спасеніе души устроителя монастыря. И, наконецъ, возникали правильные монастыри и стараніями отшельниковъ, хотя и при помощи князя. Таковъ былъ, напр., Кіево-Печерскій монастырь. Основателемъ этого монастыря былъ житель города Любеча, Антипа. Онъ отправился въ Грецію и постригся въ монахи Аѳонскаго монастыря, принявъ имя Антонія. Возвратившись на Русь, онъ обошелъ всѣ кіевскіе монастыри, княжескіе и боярскіе, но они ему не понравились, и онъ рѣшилъ жить одинъ. Съ этой цѣлью онъ поселился на берегу Днѣпра среди лѣса, въ пещерѣ. Скоро о его одинокой жизни

узнали, и къ нему сталъ приходить разный людъ за благословеніемъ и совѣтомъ. Затѣмъ къ нему явились еще два отшельника,—Никонъ и Θеодосій и поселились съ Антоніемъ. Слава о ихъ сподвижнической жизни все росла, и вотъ уже вскорѣ послѣ Θеодосія сюда явилось одинъ за другимъ еще девять человѣкъ. Образовался цѣлый скитъ, съ пещерами, вмѣсто жилищъ. Антоній, желая жить въ одиночествѣ, ушелъ на другую гору, а оставшаяся братія рѣшила построить большой монастырь. Антоній благословилъ это начинаніе и послалъ сказать великому князю Изяславу: «Богъ умножаетъ братію, а мѣста мало; отдай намъ всю гору, которая надъ моей пещерой». Князь согласился. Тогда братія обнесла мѣсто частоколомъ, построила деревянныя кельи и деревянную церковь. Такъ возникъ Кіево-Печерскій монастырь въ 1062 году. Первымъ его игуменомъ сталъ бывшій бояринъ Варлаамъ, вторымъ Θеодосій. Строгій къ себѣ и другимъ, Θеодосій ввелъ въ монастырь уставъ, по которому должны были жить монахи. При его жизни уставъ этотъ строго соблюдался, и монахи давали примѣръ благочестивой, подвижнической жизни.

Монастыри на Руси стали очагами просвѣщенія. Среди братіи всегда находилось нѣсколько человѣкъ, любителей чтенія. Они не только старательно читали, но переписывали (печатать въ то время еще не умѣли) и переводили съ греческаго на славянскій языкъ книги. Многіе изъ нихъ сами вели записи разныхъ событій, и первые русскіе лѣтописцы были монахи. Съ теченіемъ времени въ монастыряхъ выростали огромныя книгохранилища, въ которыхъ почерпали свои знанія всѣ образованные люди древней Руси. Большинство епископовъ получили свое образованіе въ монастыряхъ. Такимъ образомъ и въ дѣлѣ церковнаго и общаго просвѣщенія монастыри имѣли большое значеніе.

VII.

Нравы и просвѣщеніе.

Итакъ, въ X вѣкѣ уже значительная часть Руси стала христіанской страной, и новая вѣра распространялась все больше, вытѣсняя изъ народной души почитаніе старыхъ боговъ. Христіанское ученіе полно любви къ слабому, обиженному, угнетенному, полно отреченія отъ земныхъ благъ и стремленія къ загробной, вѣчной жизни. Человѣкъ, сознательно усвоившій его себѣ, какъ бы перерождается, становится кроткимъ, терпѣливымъ и милосерднымъ, отрекается отъ всякой борьбы, боится быть жестокимъ, злобнымъ, мстительнымъ. Сдѣлались ли русскіе люди кроткими и исполненными другъ къ другу любви послѣ принятія христіанства? Нѣтъ: жизнь текла по прежнему въ заботахъ о хлѣбѣ, въ борьбѣ за власть и вліяніе, въ погонѣ за славой и богатствомъ. Люди не могли переродиться сразу, да и восприняли они новую вѣру крайне поверхностно, усвоили ея внѣшнія формы, обряды, но не суть. Новая вѣра рѣдко кого подняла до той высоты, на которой стояла сама. Поэтому-то христіане, по названію, русскіе все еще продолжали быть язычниками на дѣлѣ.

Грубые и простые люди и жизнь понимали просто и грубо. Нужно бояться бѣдности и искать богатства, надо веселиться при каждомъ удобномъ случаѣ, искать побольше удовольствій. Сытная пища, вкусное и опьяняющее питье, богатая одежда, чувственныя наслажденія— вотъ къ чему сводились помыслы подавляющаго большинства простыхъ и знатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ людей. Языческая религія не ставила никакихъ иныхъ цѣлей въ жизни и ничуть не осуждала этихъ помысловъ. Но хри-

стіанство было имъ враждебно. И однако, лишь очень немногіе рѣшились отречься отъ мірскихъ радостей и итти по тому пути, который указывался христіанской религіей. Большинство умѣло примирять новую вѣру и старыя привычки жизни. И на этомъ примиреніи строилась дальнѣйшая жизнь народа. Богатые продолжали пользоваться своимъ богатствомъ, вкусно ѣсть и сладко спать; бѣдные тѣшили себя тѣми же грѣховными радостями, что и раньше; и такъ же, какъ и раньше, богатый притѣснялъ бѣднаго, а бѣдный боялся богатаго, юлилъ передъ нимъ и ругалъ его за спиной. А чтобы Богъ не гнѣвался, старались откупиться отъ него жертвами: богатые строили церкви и монастыри, ставили пудовыя свѣчки, а бѣдные приносили въ даръ церкви свѣчки потоньше, и всѣ были увѣрены, что именно такимъ образомъ можно и Богу сдѣлать пріятное и себя не обижать по части земныхъ благъ.

Грубая простота нравовъ выражалась, между прочимъ, въ томъ, что допускались браки между близкими родственниками, что распространено было многоженство, что мужчины не имѣли передъ женщинами «стыденія», какъ говоритъ лѣтописецъ, что цѣломудріе было большою рѣдкостью. Любили русскіе и выпить не въ мѣру. Такъ, еще про язычниковъ—руссовъ, пріѣзжавшихъ съ товарами въ Итиль, арабскій писатель X в. сообщаетъ: «они предаются питью вина неразумнымъ образомъ и пьютъ его цѣлые дни и ночи; часто случается, что они умираютъ со стаканомъ въ рукѣ». Владиміръ Святой сказалъ какъ-то: «Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ того быти». А Ѳеодосій Печерскій писалъ о пьянствѣ, какое царило тогда въ Кіевѣ, гдѣ жили уже христіане: «одни ползаютъ на колѣняхъ, не будучи въ состояніи стоять на ногахъ, другіе валяются въ грязи и навозѣ, готовые ежеминутно испустить духъ». О томъ, какъ жили богатые

люди, мы узнаемъ изъ одного церковнаго поученія XII в., въ которомъ говорится, что богатый ходитъ въ пурпурѣ и шелкахъ, кони его тучны, сѣдла позолочены; когда онъ выходитъ изъ дому, его сопровождаетъ большая свита рабовъ въ роскошной одеждѣ, съ ожерельями на шеѣ и браслетами на рукахъ; во время обѣда на золотой и серебряной посудѣ подаются тетерева, гуси, журавли, рябчики, голуби, куры, зайцы, олени, вепри; пьютъ вина, медъ и квасъ; во время пировъ играютъ на гусляхъ и свирѣляхъ, забавляются шутами и пляской; спитъ богатый на шелковой постели.

Погоня за удовольствіями проникла и въ монастыри. Митрополитъ Іоаннъ (въ концѣ XI вѣка) пишетъ: «въ монастыряхъ часто пиры творятъ, куда призываютъ и женщинъ, и въ тѣхъ пирахъ другъ друга преуспѣваютъ». Даже въ Печерскомъ монастырѣ установилась послѣ смерти Ѳеодосія жизнь, очень далекая отъ истинно-христіанской. Ѳеодосій старался держать монаховъ вдали отъ мірской суеты: они много трудились, жили дружно, не имѣли своего, все было общее, питались просто и скудно, оказывали другъ другу поддержку словомъ и дѣломъ. Умеръ Ѳеодосій, и въ монастырѣ постепенно устанавливаются другіе порядки. Что это за порядки, видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ разсказовъ: «одинъ братъ, жившій свято и богоугодно, по имени Аѳанасій, послѣ долгой болѣзни умеръ; два брата отерли мертвое тѣло, увили, какъ слѣдуетъ, покойника и ушли; по случаю къ нему заходили нѣкоторые, и видя, что онъ умеръ, также ушли, и такъ оставался покойникъ весь день безъ погребенія: былъ онъ очень бѣденъ и ничего не имѣлъ отъ міра сего и поэтому былъ пренебрегаемъ; богатымъ всякій старается служить въ жизни и при смерти, чтобы получить что-нибудь въ наслѣдство». «Въ томъ же мона-

стырѣ Печерскомъ былъ черноризецъ Еразмъ; онъ имѣлъ большое богатство и все, что имѣлъ, истратилъ на церковныя нужды; обнищавъ совсѣмъ, онъ впалъ въ пренебреженіе». «Въ томъ же монастырѣ Печерскомъ былъ черноризецъ, по имени Ареоа, родомъ полочанинъ, онъ имѣлъ много богатства въ кельѣ своей и никогда не подалъ убогимъ ни одной копейки, ни даже хлѣба и былъ такъ скупъ и немилосердъ, что и себя самого морилъ голодомъ». Одинъ историкъ русской церкви говоритъ по поводу этихъ старинныхъ разсказовъ: «Такимъ образомъ, приходившіе въ монастырь постригаться въ монахи, приносили съ собой деньги, которыя не отдавали въ монастырь, какъ свою частную собственность; послѣ постриженія монахи пріобрѣтали въ ту же частную собственность; между собой они различали богатыхъ и бѣдныхъ и послѣдними гнушались; за взаимныя услуги и службы монахи брали другъ у друга плату такъ, какъ бы они были совсѣмъ чужіе другъ другу» (Голубинскій).

Грубость нравовъ проявлялась и въ наказаніяхъ за проступки и преступленія. Господствовало правило: «око за око, зубъ за зубъ». И замѣчательно, что церковный судъ былъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ гораздо болѣе жестокимъ, чѣмъ судъ княжескій. Наша русская церковь подражала византійской, а эта послѣдняя примѣняла наказанія, которыя составляли полную противоположность духу христіанскаго ученія. Такъ, по византійскому закону, если кумъ женится на кумѣ или крестный на своей крестницѣ, полагалось: «По людскому закону обоимъ отрѣзать косы и развести, а по церковному — тоже развести и назначить постъ и покаяніе на 15 лѣтъ». Церковь судила и «по людски» и «по церковному». Поженившихся родственниковъ надо было бить и развести; двоеженца избивали и назначали 7-лѣтній постъ; огра-

бившему церковь выкалывали глаза и урѣзывали носъ, и такъ далѣе. Эти суровыя наказанія примѣняла нерѣдко и русская церковь. Такъ, въ концѣ XII в. состоялся соборный судъ надъ ростовскимъ епископомъ Ѳедоромъ. Ему вмѣняли много преступленій: будто онъ предавалъ священниковъ казни, распиналъ ихъ, выжигалъ глаза, варилъ въ котлахъ, словомъ всячески ихъ мучилъ. Неизвѣстно, такъ ли все было на дѣлѣ. Но извѣстно, что самого его судъ приговорилъ къ смертной казни: сначала ему отрѣзали языкъ и правую руку, выкололи глаза и лишь, продѣлавъ все это, отсѣкли голову. Ясно, что если среди самого духовенства царили жестокіе нравы, то отъ міряпъ нельзя было и ожидать чего либо иного.

Князья и населеніе, не смотря на свое благочестіе, нерѣдко вмѣшивались въ чисто церковныя дѣла и дѣйствовали при этомъ крайне грубо. Такъ, въ серединѣ XII в. между ростовскимъ населеніемъ и ростовскимъ епископомъ Нестеромъ возникло разногласіе по поводу того, надо ли соблюдать постъ въ среду и пятницу, если на эти дни приходятся большіе праздники. Епископъ запретилъ постъ, а населеніе и князь изгнали его изъ епархіи. Новаго епископа князь опять прогналъ за то же самое, ибо самъ онъ держался противнаго мнѣнія на этотъ счетъ. Въ Черниговѣ епископъ былъ изгнанъ княземъ за то, что воспрещалъ ѣсть мясо во всѣ Господніе праздники, за исключеніемъ нѣкоторыхъ. Въ 1228 году въ Новгородѣ случилась засуха. Поля повыжгло, хлѣбъ и трава погибли. Народъ заволновался, собрался на вѣче и рѣшилъ, что виновникъ засухи ихъ архіепископъ Арсеній. Пошли на архіерейскій дворъ и, по словамъ лѣтописца, «какъ злодѣя, толкая его, прогнали въ шею, и только Богъ спасъ его отъ смерти».

Такіе случаи были, конечно, не часты. Но низшему

духовенству приходилось очень часто испытывать на себѣ всю тяжесть тогдашней грубости нравовъ. Въ заботахъ о спасеніи души богатые люди заводили домовыя церкви и ставили священниками своихъ холоповъ. И понятно, священники изъ холоповъ также пресмыкались передъ своимъ господиномъ, какъ и раньше, а господинъ такъ же высокомѣрно и грубо къ нимъ относился, какъ и въ то время, когда тѣ были простыми рабами.

Но какъ бы-то ни было, церковь все таки содѣйствовала нѣкоторому смягченію нравовъ. Евангеліе требовало отъ христіанъ любви и милосердія въ отношеніяхъ другъ къ другу, и пастыри церкви не могли совершенно спокойно созерцать всѣ жестокости мірской жизни. Такъ, новгородскій епископъ Лука Жидята въ XI в. училъ: «И своимъ сиротамъ (т.-е. рабамъ) милостивы будете». А одно поученіе XII в. гласитъ: «Сиротъ домашнихъ не обидьте, но больше милуйте, голодомъ не морите, ни наготою, потому что эти домашніе — твои нищіе: нищій въ другомъ мѣстѣ себѣ выпроситъ, а рабы только въ твоей рукѣ; милуйте своихъ рабовъ и учите ихъ на спасеніе и покаяніе, а старыхъ на свободу отпускайте». Однако, бить рабовъ то же поученіе не запрещало: бей, но умѣренно: «Ты какъ апостолъ въ дому своемъ: научай грозой и лаской. Если рабы и рабыни не слушаются, по твоей волѣ не ходятъ, то лозы не жалѣй до шести разъ и до двѣнадцати, а если вина велика, то до 30 разъ лозою, а больше 30 разъ не велимъ». Вообще представители церкви не требовали отъ паствы своей полнаго исполненія христіанскаго ученія, да и невозможно это было. Довольны были, если новообращенные хоть до нѣкоторой степени соблюдаютъ его. Но за то и само духовенство привыкало къ такой полувѣрѣ. Въ результатѣ, въ народѣ не было ни настоя-

щаго христіанства, ни настоящаго язычества, а какое-то двоевѣріе. Это двоевѣріе отразилось даже на пониманіи святыхъ и праздниковъ: богъ Перунъ превратился въ Илью Пророка и про него говорили то же, что раньше про Перуна; богъ Велесъ сталъ св. Власіемъ, тоже покровителемъ скота, а лѣшіе, русалки, домовые превратились въ нечистую силу; коляда совпала съ Рождествомъ, языческій Купала съ Иваномъ Крестителемъ и т. д.

Да и во всѣхъ вообще отношеніяхъ древнее язычество тѣсно сплеталось въ душѣ русскаго съ новой вѣрой. Послѣ молитвы въ храмѣ онъ отправлялся въ священную дубраву, къ озеру, рѣкѣ, къ дуплистому дубу или развѣсистой березѣ, къ священному камню или подъ овинъ и творилъ здѣсь свою прежнюю молитву по обычаю отцовъ и дѣдовъ. Онъ взывалъ къ Перуну, Велесу, Даждьбогу, къ солнцу и звѣздамъ. Дома на божницѣ рядомъ съ иконами у него стояли фигурки его прежнихъ боговъ. Самое названіе «божница» языческаго происхожденія, даже церковь называлъ онъ нерѣдко «божницей», т.-е. мѣстомъ, гдѣ находятся, живутъ боги. Почитаніе домовыхъ, тризны по умершимъ справлялись по старому. Долго еще простой человѣкъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на церковный бракъ, думая, что вѣнчаться въ церкви подъ стать только князьямъ и боярамъ, а не смердамъ. Священниковъ боялись и не любили, а встрѣча съ нимъ считалась худымъ знакомъ, «не къ добру». За то почитали волхвовъ и кудесниковъ, къ которымъ прибѣгали во всѣхъ несчастіяхъ. И не только простой народъ, но нерѣдко и князья съ суевѣрнымъ уваженіемъ и страхомъ смотрѣли на этихъ служителей старыхъ боговъ. Духовенство боролось съ прежними обычаями, запрещало молитвы подъ овиномъ, преслѣдовало волхвовъ,

но народъ не оставилъ совсѣмъ своихъ языческихъ вѣрованій еще и до сихъ поръ.

Надъ темной народной массой подымался очень небольшой кругъ людей, по тогдашнему просвѣщенныхъ и начитанныхъ. И у нихъ были другіе взгляды на жизнь. Образцомъ этихъ людей является, напримѣръ, князь Владиміръ Мономахъ. Въ своемъ «поученіи» онъ совѣтуетъ вести благочестивую жизнь и быть готовымъ на всякое дѣло, защищать слабыхъ, любить нищихъ, не имѣть гордости, быть скромнымъ. И своей вѣрностью данному слову онъ сильно отличался отъ другихъ князей, большинство которыхъ думали только о себѣ, о своихъ выгодахъ и интересахъ, не прочь были поживиться одинъ на счетъ другого и съ легкимъ сердцемъ нарушали клятву, скрѣпленную цѣлованіемъ креста. Были люди иного склада и среди духовенства, какъ, напримѣръ, Антоній и Ѳеодосій Печерскіе, которые не лукавили съ своею совѣстью и всецѣло отдавались служенію Христу. Но такіе люди составляли ничтожное меньшенство тогдашняго общества.

И образованіе того времени было достояніемъ немногихъ. Оно явилось на Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ и потому пропитано было церковнымъ духомъ. Владиміръ Святой вскорѣ послѣ своего крещенія сталъ заботиться о распространеніи грамотности. Школъ, однако, въ то время еще не строили, а учились у монаховъ и священниковъ. Ярославъ Мудрый продолжалъ дѣло своего отца и кромѣ того усердно покровительствовалъ переводамъ на славянскій языкъ съ греческаго, а также перепискѣ съ раньше сдѣланныхъ переводовъ. При немъ въ храмѣ св. Софіи въ Кіевѣ скопилось обширное собраніе рукописей, цѣлая библіотека. Откуда же и какъ появился письменный русскій языкъ? Грамотность возникла

прежде всего среди западныхъ славянъ. Дунайскіе болгары уже въ 862 г., т.-е. столѣтіемъ раньше Руси, приняли христіанство и къ тому времени, когда крестился Владиміръ и кіевскій народъ, на болгарскомъ языкѣ существовала уже обширная духовная литература: было переведено съ греческаго Евангеліе и много другихъ книгъ, необходимыхъ при богослуженіи и объясненіи ученія Христа. Этими-то переводами воспользовались и русскіе. Языкъ болгаръ мало отличался отъ языка кіевлянъ, и эти послѣдніе легко понимали болгарскую письменность. Вмѣсто того, чтобы заново переводить съ греческаго, стали просто переписывать болгарскіе переводы, причемъ лишь иногда передѣлывали болгарскую рѣчь на русскую. Этотъ языкъ и сталъ нашимъ церковнымъ и въ то же время литературнымъ языкомъ. Онъ и до сихъ поръ еще, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, употребляется при православномъ богослуженіи. Печатать въ то время еще не умѣли, книги переписывались и потому отличались большой дороговизной. Переписчиками были преимущественно монахи. Къ книгѣ питали глубокое уваженіе. Невѣжественные люди смотрѣли на нее со страхомъ, какъ на нѣчто волшебное и чудесное, а грамотѣи видѣли въ ней источникъ премудрости: «Кто часто читаетъ книгу,—пишетъ лѣтописецъ, тотъ бесѣдуетъ съ Богомъ или со святыми мужами; читая пророческія бесѣды, евангельскія и апостольскія ученія и житія святыхъ отецъ, душа получаетъ великую пользу». Тогда еще не дѣлили книгъ на «вредныя» и «полезныя»: всѣ книги были полезныя, такъ какъ ихъ было немного и за малымъ исключеніемъ всѣ онѣ имѣли духовно-нравственное содержаніе. Это были Евангеліе, отрывки изъ дѣяній апостоловъ, поученія, житія святыхъ, нравоучительные разсказы, изреченія и проч. тому подобное.

Древнѣйшее Евангеліе было написано въ Новгородѣ, приблизительно въ 1056—57 гг., дьякономъ Григоріемъ для посадника Остроміра, почему и называется Остроміровымъ Евангеліемъ [1]). Самымъ любопытнымъ сборникомъ поученій, разсказовъ изъ жизни святыхъ и разныхъ исторій является сохранившійся до нашего времени «Сборникъ Святослава». Онъ былъ переведенъ съ греческаго языка для болгарскаго царя Симеона, а затѣмъ переписанъ для князя Святослава Ярославича (1013 г.). Онъ украшенъ рисунками, по которымъ можно судить объ одеждѣ и внѣшности князей того времени.

Вначалѣ довольствовались переводами книгъ св. Писанія и церковными поученіями, но затѣмъ появилась и свѣтская литература. Первыми писателями не на церковныя темы были лѣтописцы, трудамъ которыхъ мы обязаны нашими знаніями о древнѣйшей русской исторіи. Въ концѣ XII в. неизвѣстный, но очень талантливый поэтъ написалъ поэму, названную имъ «Слово о полку Игоревѣ». Въ своей поэмѣ авторъ описываетъ дѣйствительный случай,—походъ сѣверскаго князя Игоря на половцевъ въ 1185 году, но описываетъ онъ этотъ походъ ярко и образно, какъ настоящій поэтъ. На пути въ степь Игоря встрѣчаютъ мрачныя предзнаменованія: солнце омрачается и бросаетъ тѣнь на княжескую дружину; звѣри ревутъ въ пустынѣ, хищныя птицы тучами носятся надъ его воинствомъ, лисицы лаютъ на щиты воиновъ, предвѣщая гибель. Но Игорь смѣло идетъ впередъ, встрѣчаетъ врага, и начинается великая битва. Два дня пылаетъ битва, «земля облита кровью, усѣяна костьми. На третій день пали наши знамена: кроваваго вина не до-

[1]) Оно хранится въ настоящее время въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ.

·сѫ· а҃· начатъкъ·но
·воуоумоу лѣтоу·єва·
·отъ лоукꙑ· гла· кг҃·

Въ врѣма оно
вънидє ис
въ капєрьна
оумъ·въ
градъ гали
лєнскъ· и бѣ оу
чаѧ въ сѫботꙑ
и оужасаахѫ сѧ
оучєниі єго ꙗ
ко съ властиѭ
бѣ слово єго и въ
съборищи· бѣ
чловѣкъ имꙑ доу

ха нєчиста· и въ
зъпи гласъмь вє
лиємь глѧ оста
ни· что єсть на
мъ и тєбѣ ісє на
зарании нє· при
шьлъ єси погоу
битъ насъ вѣ
мь та кто єси
стꙑи бжии и за
прѣти ємоу ис
глѧ· прѣмлъчи·
и изиди из нєго
и повьргъ и бѣсъ
посрѣдѣ и изидє
из нєго ни како
жє нє врѣждь єго
и бꙑсть оужасъ

Рис. 26. Образецъ древней письменности изъ „Остромірова Евангелія“.

стало, кончили пиръ свой храбрые россіяне, напоили гостей и легли за отечество». Русскіе разбиты, Игорь въ плѣну. Далѣе описывается плачъ Ярославны, жены Игоря, сборы въ новый походъ на половцевъ русскихъ князей, бѣгство Игоря и благополучное прибытіе его на родину. Авторъ—горячій сторонникъ дружной борьбы съ общимъ степнымъ врагомъ и гнѣвно укоряетъ князей за ихъ крамолу, т.-е. раздоры.

«Слово о полку Игоревѣ» сохранилось до нашихъ дней. Но были, вѣроятно, и еще подобныя-же произведенія, но только всѣ они погибли. Такія поэмы не только читались, гораздо чаще ихъ заучивали и распѣвали на княжескихъ и боярскихъ пирахъ странствующіе пѣвцы.

Какія же знанія о природѣ и человѣкѣ имѣли просвѣщенные, образованные люди того времени? Какъ представляли себѣ они вселенную съ ея миріадами міровъ? Были въ то время три книги, переведенныя съ греческаго языка. Одна называлась: «Шестодневъ», или шесть словъ о сотвореніи міра, составленныхъ Іоанномъ, экзархомъ болгарскимъ; другая — это «Христіанская топографія», составленная еще въ VI вѣкѣ монахомъ Козьмой Индикопловомъ. Третья носила названіе: «Физіологъ». Изъ этихъ трехъ книгъ и почерпалась вся астрономическая, географическая, вообще естественно-научная премудрость того времени. Созданная Богомъ земля, это—четырехъугольный ящикъ. Кругомъ него—океанъ, за океаномъ стѣны, а дальше рай, гдѣ живутъ святые. На стѣнахъ покоится полукруглый сводъ неба; по небесной тверди ангелы двигаютъ въ опредѣленномъ порядкѣ солнце, луну и звѣзды. Ангелы же производятъ и дождь; для этого они берутъ воду изъ океана посредствомъ особыхъ трубъ и поливаютъ ею землю. Громъ бываетъ либо оттого, что по небу катается на колесницѣ

Илья-Пророкъ, либо оттого, что стучитъ самъ Богъ, преслѣдующій змія, искусителя людей.

И говорить нечего, сколь скудны, отрывочны и невѣрны были тогдашнія знанія о русской землѣ, о чужихъ странахъ и народахъ, о ихъ жизни и исторіи.

Но и эти скудныя свѣдѣнія были достояніемъ немногихъ людей, которые считались просвѣщенными. Народная же масса не знала и этого и была далека не только отъ просвѣщенія, но и отъ простой грамотности.

VIII.

Конецъ Кіевской Руси.

Начиная со второй половины XII вѣка, тотъ общественный порядокъ, который сложился въ Кіевской Руси, сталъ клониться къ упадку. Да и самая жизнь Руси какъ-бы перекочевала изъ Кіевской области въ другія мѣста Руси,—на западъ, сѣверъ и сѣверо-востокъ. Кіевъ постепенно приходитъ въ упадокъ, населеніе юга уходитъ съ насиженныхъ мѣстъ. Тамъ, гдѣ раньше кипѣла людская жизнь, стало пустынно и мертво. Что-же случилось? Какія бѣды постигли Кіевскую землю?

Съ юга, изъ степи на Русь постоянно набѣгали кочевники. Опустошенія, ими производимыя, были страшны. Переяславская область и окраины Кіевской области все больше и больше бѣднѣли, народъ уходилъ, деревни и города сжигались врагами. Такова была одна изъ причинъ, разрушавшихъ Кіевскую Русь. Но эта причина находилась въ тѣсной связи съ другими, болѣе важными. Мы знаемъ уже, что когда князья дѣйствовали дружно, то они не только успѣшно отражали кочевниковъ, но и сами вторгались въ ихъ землю, поражая врага въ его собственномъ убѣжищѣ. И только взаимная, братоубійственная,

междуусобная борьба князей за лучшія владѣнія давала возможность печенѣгамъ и половцамъ опустошать русскую землю. Къ этимъ вражескимъ опустошеніямъ присоединялись опустошенія, производимыя князьми во владѣніяхъ другъ друга. Ворвавшись въ землю своего соперника или врага, князь жегъ села и деревни, грабилъ имущество и уводилъ въ плѣнъ столько жителей, сколько могъ. Плѣнники, по обычаю того времени, обращались въ рабство. Частью рабы продавались въ чужія земли, частью и чаще всего ими заселялись княжескія и боярскія села. Нерѣдко князья строили на окраинѣ, близъ степи цѣлые города, заселяя ихъ плѣнниками. Даже самый лучшій изъ князей того времени, Владиміръ Мономахъ разсказываетъ въ своемъ «Поученіи», что, напавъ однажды на Минскъ, онъ не оставилъ тамъ ни одного челядина, т.-е. ни одного жителя, разумѣется, ограбивъ при этомъ городъ дочиста.

Такимъ образомъ, положеніе простого народа, смердовъ и горожанъ, было непрочное, преисполненное превратностей судьбы. Но не только половецкіе набѣги и княжеская усобица угнетала населеніе кіевской Руси. Оно страдало еще подъ гнетомъ все увеличивавшейся бѣдности. Богатое кіевское купечество и земельное боярство захватывали лучшія земли, заселяли ихъ своими холопами и тѣмъ самымъ тѣснили простой народъ. Войны разоряли смердовъ и они становились въ ряды закуповъ, а закупъ, запутавшись въ долгахъ, терялъ свою свободу и дѣлался рабомъ. Такимъ путемъ простое населеніе кіевской Руси попадало въ зависимость отъ богатыхъ и знатныхъ. Боярскіе и княжескіе слуги безнаказанно насильничали надъ населеніемъ, и въ XII вѣкѣ одинъ изъ духовныхъ писателей совѣтуетъ даже не селиться близко къ двору князя или боярина: «не имѣй себѣ двора близъ

княжа двора,—пишетъ онъ,—не держи села близъ княжа села». Бывали въ городахъ случаи, когда бѣдный людъ поднималъ знамя бунта противъ богачей. Такой бунтъ произошелъ, напримѣръ, въ Кіевѣ въ 1113 году, когда умеръ великій князь Святополкъ Изяславичъ. Князь Святополкъ покровительствовалъ богачамъ, которые, давая бѣднымъ людямъ деньги въ ростъ, держали въ своихъ рукахъ всю кіевскую бѣдноту. Народъ глухо роопталъ, но боялся князя. Но вотъ князь умеръ, и кіевская бѣднота тотчасъ же принялась грабить палаты княжескихъ чиновниковъ и богачей. И только уважаемый кіевлянами Владиміръ Мономахъ, явившись въ Кіевъ, умиротворилъ народъ. Онъ счелъ нужнымъ вдвое уменьшить процентъ за взятыя въ долгъ деньги, съ 40 до 20.

При такихъ условіяхъ жизнь огромнаго большинства населенія, расположившагося въ Поднѣпровьи, стала мало привлекательной, и съ половины XII столѣтія Приднѣпровье становится все болѣе и болѣе пустыннымъ. Простой народъ бѣжитъ отъ притѣсненій князей, бояръ и половцевъ. Но и князьямъ, и боярамъ съ каждымъ годомъ становится труднѣе. Торговля съ Греціей тормозится все сильнѣе. Уже печенѣги страшно мѣшали перевозкѣ товара изъ Кіева въ Царьградъ и обратно, а половцы сдѣлали нижнее теченіе Днѣпра почти совсѣмъ непроходимымъ. Упадокъ торговли отразился на богатствѣ Кіева и другихъ приднѣпровскихъ городовъ: они стали постепенно бѣднѣть и пустѣть. Одновременно заселялись мѣстности по Окѣ и верхнему теченію Волги; тамошніе князья усиливались, и одинъ изъ нихъ князь суздальской земли, Андрей Боголюбскій, впервые поднялъ вооруженную руку на стольный Кіевъ. Въ союзѣ съ одиннадцатью другими князьями Андрей Боголюбскій вмѣшался въ кіевскія дѣла и осадилъ городъ большимъ вой-

скомъ (въ 1169 г.). Приступомъ взяли войска Андрея Кіевъ. «Два дня, — говоритъ лѣтописецъ, — побѣдители грабили городъ, монастыри, Софійскій соборъ, Десятинную церковь; никому и ничему не было пощады; церкви горѣли, однихъ жителей убивали, другихъ вязали; женъ разлучали отъ мужей и вели въ плѣнъ, младенцы плачемъ провожали своихъ матерей. Грабители захватили много имущества; они взяли изъ церквей иконы, книги и ризы, сняли колокола, словомъ, ограбили всю святыню». Съ этихъ поръ Кіевъ все болѣе и болѣе теряетъ свое былое значеніе, и народная жизнь съ новой силой загорается въ другихъ частяхъ обширной русской равнины. А нахлынувшіе въ XIII в. на Русь татары окончательно опустошили нѣкогда богатую кіевскую землю; въ половинѣ этого вѣка въ Кіевѣ едва насчитывалось 200 домовъ.

Къ западу отъ кіевской земли выросли два богатыхъ княжества,—Галицкое и Владиміро-Волынское. Особеннымъ богатствомъ и значеніемъ (въ XIII в.) отличалось первое изъ нихъ. Здѣсь укрѣпилось богатое боярство, въ рукахъ котораго сосредоточилось землевладѣніе и торговля. Князья не могли совладать съ боярами и дѣлились своей властью съ ними. Въ XII в. княжество Галицкое—или такъ называемая Червонная Русь—успѣшно соперничало съ Кіевомъ, и отчасти благодаря его поддержкѣ Андрей Боголюбскій овладѣлъ Кіевомъ. Здѣсь сложились порядки и нравы, болѣе похожіе на нравы и порядки западныхъ народовъ Европы, чѣмъ восточныхъ славянъ. На далекомъ сѣверѣ процвѣталъ Новгородъ съ вѣчемъ во главѣ. Онъ велъ обширную торговлю съ нѣмцами. На верховьяхъ Днѣпра усилилось Смоленское княжество. По Окѣ, р. Москвѣ, Клязьмѣ и верховьямъ Волги возникло и съ конца XII в. усиливается Суздальское княжество.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССІИ

Ник. Андреева.

№ 1. **Доисторическая и древнѣйшая Русь.** Съ 22 рис. Ц. 15 к.
№ 2. **Славянская или догосударственная Русь.** Съ 13 рис. Ц. 12 к.
№ 3. **Кіевская или Днѣпровская Русь.** Съ 26 рис. и 3 карт. Ц. 25 к.
№ 4. **Удѣльная или княжеская Русь.** (Печатается).

Готовятся къ печати:

№ 5. **Вѣчевая Русь** (сѣверныя народоправства).
№ 6. **Московская Русь.** I. Царское самодержавіе.
№ 7. **Московская Русь.** II. Закрѣпощеніе крестьянъ.
№ 8. **Московская Русь.** III. Великій расколъ.
№ 9. **Петербургская Россія.** I. Эпоха Петра Великаго.
№ 10. **Петербургская Россія.** II. Эпоха Екатерины Великой.
№ 11. **Петербургская Россія.** III. Эпоха Александра I.
№ 12. **Петербургская Россія.** IV. Эпоха Николая I.
№ 13. **Пореформенная Россія.** I. Освобожденіе крестьянъ и другія реформы 60-хъ годовъ.
№ 14. **Пореформенная Россія.** II. Развитіе капитализма и рабочаго движенія.
№ 15. **Пореформенная Россія.** III. „Обновленный строй“.
№ 16. **Исторія Польши.**
№ 17. **Исторія Малороссіи.**
№ 18. **Исторія Литвы.**
№ 19. **Исторія Сибири.**
№ 20. **Исторія Кавказа.**
№ 21. **Исторія Финляндіи.**

Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).